

T 83
548

W 14

ГОЛОСЪ ТОЛСТОГО

83

548

Л. Н. Толстой

О наукѣ.

Сборникъ статей.

Издание „ЕДИНЕНІЯ“
подъ редакціей В. Г. Черткова.

№ 14.

Не въ силѣ Богъ,
а въ правдѣ.

Цѣна 60 коп.

Тип. Издательской Комиссіи Моск. Совѣта Солд. Деп.

1917.

d-kn-ek-1 v, cp-

Л. Н. Толстой.

T 83
548 м

О наукаѣ.

Сборникъ статей.

Издание „ЕДИНЕНІЯ“
подъ редакціей В. Г. Черткова.

№ 14.

Не въ силѣ Богъ,
а въ правдѣ.

Типографія Издательской Комиссіи Моск. Совѣта Солд. Депут.

1917.

Л. Н. Толстой

О НАУКЕ

Толстой Л. Н.

НАУКА И ДУХОВНОСТЬ

Л. Н. Толстой

№ 14

25781-40

2007053803

Л. Н. Толстой

1917

О НАУКѢ.

(Отвѣтъ крестьянину) *).

Л. Н. Толстого.

I.

То, о чемъ вы пишете въ вашемъ письмѣ, такъ важно, и я такъ давно и много думалъ и думаю объ этомъ самомъ, что мнѣ хочется напо- слѣдяхъ, зная, что мое время коротко, насколько сумѣю, ясно и правдиво высказать все, что я ду- маю объ этомъ, самой первой важности, предметѣ.

Вы спрашиваете, что надо разумѣть подъ на- укой и образованіемъ; спрашиваете, не бываетъ ли наука или образованіе вредны, и, какъ обра- зецъ того вреда, который бываетъ отъ того, что называется образованіемъ, приводите примѣры того учителя, сына крестьянина; который стыдится вы- кормившаго его отца и, когда отецъ этотъ привезъ ему свои деревенскіе гостинцы, сынъ предложилъ ему спрятаться на кухнѣ, чтобы не оконфузить своимъ мужичьимъ видомъ образованнаго сына пе- редъ бывшими у него гостями.

Можетъ быть, примѣръ этотъ исключителенъ, но знаменателенъ, и стоитъ вдуматься въ него, чтобы то, что у насъ называется образованіемъ,

---

*) Письмо крестьянина см. въ приложеніи II-мъ.

представилось бы въ иномъ, чѣмъ оно представляется большинству, значеніи.

На другой день послѣ полученія вашего письма, я провелъ вечеръ съ дамой, директоршей гимназіи, съ довольно страннымъ для дамы именемъ и отчествомъ: Акулина Тарасовна. У дамы этой тонкія, бѣлыя, прекрасныя руки съ перстнями, умѣренно модная одежда и пріятный видъ усталой, ласковой, умной, «образованной» женщины съ либеральными идеями. Дама эта крестьянская, заброшенная сиротка. Помѣщица случайно разжалобилась именно надъ этой сироткой, взяла ее воспитывать и дала ей «образованіе». И вотъ, вмѣсто Акульки, которую трепала бы за косы мать, что она, чертова дѣвка, упустила телятъ въ овсы, а потомъ, вмѣсто Акулины, которую сосваталъ бы Прохоръ Евстигнѣевъ и билъ бы въ пьяномъ видѣ смертнымъ боемъ, а потомъ вмѣсто Акулины вдовы, которая, оставшись съ пятью дѣтьми, ходила бы съ сумой и всѣмъ, какъ горькая рѣдька, надѣдала своими слезами и причитаніями, а потомъ вмѣстѣ ставшей изъ Акулины-Тарасовной, которая, хотя и вырастила сына и отдала его въ люди, все-таки живетъ впроголодь у зятя, терпя всякія обиды отъ брата невѣстки, вмѣсто этой захаплой, грязной, оборванной, утромъ и вечеромъ умоляющей матушку казанскую царицу небесную, чтобы она прибрала ее, вмѣсто этой Тарасовны, которая не только себѣ, но и всѣмъ тѣмъ, кто ее кормить, въ тягость, вмѣсто этой Тарасовны, теперь любезная, умная директорша, бѣлыми руками сдающая карты, остроумно шутящая о персидскихъ дѣлахъ со стариннымъ пріятелемъ и предпочитающая чай съ лимономъ, а не со сливками, и на вопросъ: «угодно ли вамъ ягодъ?» отвѣчающая: «пожалуй, только немного, мой милый

докторъ не велить, да ужъ очень хороши ягоды. Немножко, пожалуйста».

Разстояніе между той и другой Тарасовной— какъ отъ неба до земли. А отчего? Оттого, что Акулькѣ дано было «образованіе».

Ея благодѣтельница не ошиблась въ томъ, что нужно для того, чтобы доставить своей воспитанницѣ то, что считалось ею несомнѣннымъ счастьемъ: она дала Акулькѣ образованіе. И образованіе сдѣлало то, что Акулька стала дамой, т.-е. изъ мужички, которой всѣ говорятъ *ты*, стала госпожей, которой всѣ говорятъ *вы* и которая сама говоритъ *ты* всѣмъ тѣмъ людямъ, которые кормятъ ее вмѣстѣ со всѣми тѣми, съ кѣмъ она стоитъ теперь на равной ногѣ, т. е. изъ сословія подвластныхъ и угнетенныхъ перешла въ сословіе властвующихъ и угнетающихъ. То же на половину сдѣлалъ и вашъ учитель и желаетъ сдѣлать до конца. Но у него еще есть препятствіе родства, которыхъ не было у моей дамы.

II.

За нѣсколько уже лѣтъ не проходитъ дня, чтобы я не получалъ отъ двухъ-четырехъ писемъ съ просьбами о томъ, чтобы я тѣмъ или инымъ способомъ помогъ ему или ей, если это пишутъ сами желающіе, или мать просящая за дѣтей, чтобы я помогъ дѣтямъ или молодымъ людямъ учиться, кончить образованіе, удовлетворить, какъ они пишутъ, съѣдающую ихъ съ дѣтства страсть къ просвѣщенію, т. е. помогъ бы имъ посредствомъ диплома выйти изъ положенія людей, обязательно тяжело трудящихся, въ положеніе вашего учителя или моей дамы. Самое же странное при этомъ— я сказалъ бы: смѣшное, если бы это не было

такъ жалко и гадко,—это то, что эти люди, юноши, дѣвушки, матери, всегда всѣ объясняютъ свое желаніе получить образованіе тѣмъ, чтобы имѣть возможность *„служить народу, посвятить свою жизнь служенію нашему несчастному народу“*.

Вродѣ того, какъ если бы одинъ изъ многихъ людей, несущихъ общими силами тяжелое бревно, вышелъ бы изъ подъ бревна и сѣлъ бы на него въ то время, какъ другіе несутъ его, объясняя свой поступокъ тѣмъ, что онъ дѣлаетъ это изъ желанія служить несущимъ.

Все дѣло вѣдь очень просто.

Мы говоримъ, что въ Индіи существуютъ касты, а что у насъ въ христіанскомъ мірѣ ихъ нѣтъ. Но это неправда. У насъ въ христіанскомъ мірѣ есть также немногія, но двѣ до такой степени рѣзко раздѣленныя между собой касты, что едва ли возможна гдѣ-нибудь какая-либо большая разница и отдѣленность между двумя разрядами людей, чѣмъ та, которая существуетъ между людьми съ отчищенными ногтями, вставными зубами, утонченными одеждами, кушаньями, убранствами жилищъ, дорогими портнихами,—людьми, расходующими, не говорю уже ежедневно сотни рублей, но пять, три, два рубля въ день, и полуголыми, полуголодными, грязными, не отдыхающими, безграмотными и въ вѣчной зависимости отъ нужды людьми, работающими по 16 часовъ въ сутки за 2 рубля въ недѣлю. Отношеніе между этими двумя, если не кастами, то разрядами людей, какъ и не можетъ быть иначе, нѣтъ никакихъ, кромѣ повелѣній, наказаній и случайныхъ для препровожденія времени игрушечныхъ благотвореній со стороны людей съ вычищенными ногтями, и покорнаго исполненія, выпрашиванія и затасной зависти и ненависти со стороны людей съ мозолисты-

ми, грязными руками. Разница между кастами въ Индіи и этими двумя разрядами людей въ христіанскомъ мірѣ только та, что въ Индіи и закономъ и обычаемъ запрещается переходъ изъ одной касты въ другую, а у насъ же переходы эти изъ одного разряда въ другой возможны и совершаются всегда однимъ и тѣмъ же средствомъ.

Средство это есть только одно: «образованіе». Только «образованіе» даетъ людямъ изъ рабочаго народа возможность посредствомъ поступленія или въ чиновники къ правительству, или въ служащіе къ капиталистамъ и землевладѣльцамъ, выйти изъ своего сословія и сѣсть на шею его, участвуя съ правительствомъ, землевладѣльцами и капиталистами въ отнятіи отъ народа произведеній его труда.

Если же люди изъ народа какими либо (всегда недобрыми) путями и помимо образованія сумѣли обогатиться, то для полнаго ихъ перехода въ высшую касту нужно опять таки «образованіе».

Такъ что стремленіе къ образованію людей рабочаго сословія, вызываемое, если не исключительно, то преимущественно желаніемъ избавленія себя отъ труда рабочаго сословія, противно установившемуся мнѣнію, не заключаетъ въ себѣ не только ничего похвальнаго, но, напротивъ, есть въ большей части случаевъ стремленіе очень нехорошее.

Ш.

«Но если и допустить, что цѣль большинства людей изъ народа, стремящихся къ образованію, не заключаетъ въ себѣ ничего похвальнаго, — скажутъ люди, твердо вѣрующіе въ благотворность науки, — образованіе само по себѣ все-таки есть

дѣло полезное, и желательное, чтобы какъ можно больше людей пользовались имъ».

Чтобы отвѣтить на это, надо отвѣтить на то самое, о чемъ вы спрашиваете: что такое то, что у насъ называется образованіемъ и наукой?

Такъ какъ образованіе есть только обладаніе тѣми знаніями, которыя признаются наукой, то буду говорить только о наукѣ.

Наука? Что такое наука? Наука, какъ это понималось всегда и понимается и теперь большинствомъ людей, есть знаніе необходимѣйшихъ и важнѣйшихъ для жизни человѣческой предметовъ знанія.

Такимъ знаніемъ, какъ это, и не можетъ быть иначе, было всегда, есть и теперь только одно: *знаніе того, что нужно дѣлать всякому человѣку для того, чтобы какъ можно лучше прожить въ этомъ мірѣ тотъ короткій срокъ жизни, который опредѣленъ ему Богомъ, судьбой, законами природы,—какъ хотите.* Для того, же, чтобы знать то, какъ наилучшимъ образомъ прожить свою жизнь въ этомъ мірѣ, надо прежде всего знать, что точно хорошо всегда и вездѣ и всѣмъ людямъ, и что точно дурно всегда и вездѣ и всѣмъ людямъ, т.-е. знать, что должно и чего не должно дѣлать.

Въ этомъ и только въ этомъ и была и продолжается быть истинная, настоящая наука.

Наука эта есть дѣйствительная наука, т. е. собраніе знаній, которыя не могутъ сами собой открываться человѣку и о которыхъ надо учиться и которымъ учился и весь родъ человѣческій. Наука эта во всемъ ея объемѣ состоитъ въ томъ, чтобы знать все то, что за многія тысячи лѣтъ до насъ думали и высказывали самые хорошіе, мудрые люди, изъ тѣхъ многихъ милліоновъ людей, жившихъ прежде насъ, о томъ, что надо и чего

не надо дѣлать каждому человѣку для того, чтобы жизнь не для одного себя, но для всѣхъ людей была хорошая. И такъ какъ вопросъ этотъ такъ же, какъ онъ стоитъ теперь передъ нами, стоялъ всегда передъ всѣми людьми міра, то и во всѣхъ народахъ и съ самыхъ древнихъ временъ были люди, высказывавшіе свои мысли о томъ, въ чемъ должна состоять эта хорошая жизнь, т.-е. что должны и чего не должны дѣлать люди для своего блага. Такіе люди были вездѣ: въ Индіи были Кришна и Будда, въ Китаѣ Конфуцій и Лао-тсе, въ Греціи и Римѣ Сократъ, Эпиктетъ, Маркъ Аврелій, въ Палестинѣ Христосъ, въ Аравіи Магометъ. Такіе люди были и въ средніе вѣка и въ новое время, какъ въ христіанскомъ, такъ и въ магометанскомъ, браминскомъ, буддійскомъ, конфуціанскомъ мірѣ. Такъ что знать то, что говорили въ сущности почти всегда одно и то же всѣ мудрые люди всѣхъ народовъ о томъ, какъ должны для ихъ истиннаго блага жить люди по отношенію ко всѣмъ главнымъ условіямъ жизни человѣческой, въ этомъ и только въ этомъ истинная настоящая наука. И науку эту необходимо знать каждому человѣку для того, чтобы, пользуясь тѣмъ опытомъ, какой приобрѣли прежде жившіе люди, не дѣлать тѣхъ ошибокъ, которыя они дѣлали.

И вотъ знать все то, къ чему одному и тому же пришли всѣ эти мудрые люди, въ этомъ, только въ этомъ одномъ истинная, настоящая наука.

IV.

Наука о томъ, какъ надо жить людямъ для того, чтобы жизнь ихъ была хорошая, касается многихъ, разныхъ сторонъ жизни человѣческой: учить тому, какъ надо относиться къ обществу

людей, среди которых живешь, какъ надо кормиться, какъ жениться, какъ воспитывать дѣтей, какъ молиться, какъ учиться и многое другое. Такъ что наука эта въ ея отношеніи къ разнымъ сторонамъ жизни человѣческой, можетъ казаться и длинной, и многосложной, но главная основа науки та, изъ которой каждый человѣкъ можетъ вывести отвѣты на все вопросы жизни, и коротка и проста, и доступна всякому, какъ самому ученому, такъ и самому неученому человѣку.

Оно и не могло быть иначе. Все равно, есть ли Богъ или нѣтъ Его, не могло быть того, чтобы могъ узнать самую нужную для блага всякаго человѣка науку только тотъ, кому не нужно самому кормиться, а кто можетъ на чужіе труды 12 лѣтъ учиться въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Не могло быть этого и нѣтъ этого. Настоящая наука та, которую необходимо знать каждому, доступна и понятна каждому, потому что вся эта наука въ главной основѣ своей, изъ которой каждый можетъ вывести ея приложеніе къ частнымъ случаямъ, вся она сводится къ тому, чтобы любить Бога и ближняго, какъ говорилъ Христосъ. Любить Бога, т. е. любить выше всего совершенство добра, и любить ближняго, т. е. любить всякаго человѣка, какъ любишь себя. Такъ же высказывали истинную науку въ этомъ самомъ ея простомъ видѣ еще прежде Христа и браминскіе, и буддійскіе, и китайскіе мудрецы, полагая ее въ добротѣ, въ любви, въ томъ, чтобы, какъ сказалъ это китайскій мудрецъ, дѣлать другому то, чего себѣ хочешь.

Такъ что истинная, настоящая наука, нужная всемъ людямъ, и коротка, и проста, и понятна. И это не могло быть иначе, потому что, какъ прекрасно сказалъ это малороссійскій мудрецъ Ско-

ворода, Богъ, желая блага людямъ, сдѣлалъ все ненужное людямъ труднымъ и легкимъ все нужное имъ.

Такова истинная наука, но не такова та наука, которая въ наше время въ христіанскомъ мірѣ считается и называется наукой. Наука въ наше время считается и называется, какъ ни странно это сказать, знаніе всего, *всего на свѣтѣ, кромѣ того одного, что нужно знать каждому человеку для того, чтобы жить хорошей жизнью.*

Люди, занимающіеся теперь наукой и считающіеся учеными, изучаютъ все на свѣтѣ. И такихъ изученій, называемыхъ наукой, такое огромное количество, что едва ли есть на свѣтѣ такой человекъ, который не то, чтобы зналъ всѣ эти такъ называемыя науки, но могъ бы хотя перечислить ихъ. Наукъ этихъ пропасть, съ каждымъ днемъ появляются новыя. И всѣ эти науки, называемыя самыми странными, выдуманнми греческими и латинскими словами, считаются одинаково важными и нужными, такъ что нѣтъ никакого указанія на то, какія изъ этихъ наукъ должны считаться болѣе, какія менѣе важными, и какія поэтому должны изучаться прежде и какія послѣ, какія болѣе и какія менѣе нужны.

Не только нѣтъ такого указанія, но люди, вѣрующіе въ науку, до такой степени вѣрятъ въ нее, что не только не смущаются тѣмъ, что наука ихъ не нужна, но, напротивъ, говорятъ, что самыя важныя и полезныя науки это тѣ, которыя не имѣютъ никакого приложенія къ жизни, т. е. совершенно бесполезны. Въ этомъ, по ихъ понятіямъ, вѣрнѣйшій признакъ значительности науки.

Понятно, что людямъ, такъ понимающимъ науку, все одинаково нужно. Они съ одинако-

вымъ стараніемъ и важностью изслѣдуютъ вопросъ о томъ, сколько вѣситъ солнце и не сойдется ли оно съ такой или съ такой звѣздой и какія козявки гдѣ живутъ и какъ разводятся, и что отъ нихъ можетъ сдѣлаться, и какъ земля сдѣлалась землею, и какъ стали расти на ней травы, и какіе на землѣ есть звѣри, и птицы, и рыбы, и какіе были прежде, и какой царь съ какимъ воевалъ и на комъ былъ женатъ, и кто когда складывалъ стихи и пѣсни и сказки, и какіе законы нужны, и почему нужны тюрьмы и висѣлицы, и какъ и чѣмъ замѣнить ихъ, и изъ какого состава какіе камни и какіе металлы, и какъ и какіе пары бываютъ и какъ остываютъ, и почему одна христіанская церковная религія истинная, и какъ дѣлать электрическіе двигатели и аэропланы и подводныя лодки, и пр. и пр. и пр. И все это науки съ самыми странными, вычурными названіями, и всѣмъ этимъ съ величайшей важностью передаваемымъ другъ другу изслѣдованіямъ конца нѣтъ и не можетъ быть, потому что дѣлу бываетъ начало и конецъ, а пустякамъ не можетъ быть и нѣтъ конца. Не можетъ быть конца особенно тогда, когда занимаются этими, такъ называемыми науками люди, которые не сами кормятся, а которыхъ кормятъ другіе и которымъ поэтому отъ скуки и больше дѣлать нечего, какъ заниматься какими бы то ни было забавами. Выдумываютъ эти люди всякія игры, гулянья, зрѣлища, театры, борьбы, ристалища и въ томъ числѣ и то, что они называютъ наукой.

У.

Знаю, что эти мои слова покажутся вѣрующимъ въ науку,—а въ науку теперь больше вѣ-

рующихъ, чѣмъ въ церковь, и вѣру эту еще никто не рѣшается назвать тѣмъ, что она есть въ дѣйствительности: простымъ и очень грубымъ суевѣріемъ,—покажутся мои слова такимъ страшнымъ кощунствомъ, что эти вѣрующіе не удостоятъ мои слова вниманія и даже не разсердятся, а только пожалѣютъ о томъ старческомъ оглупѣніи, которое явствуетъ изъ такихъ сужденій. Знаю, что такъ будутъ приняты эти мои сужденія, но все-таки скажу все то, что думаю о томъ, что называется наукой, и постараюсь объяснить, почему думаю то, что думаю.

Какъ я уже сказалъ, перечислить всѣ тѣ предметы, изученіе которыхъ называется наукой, нѣтъ никакой возможности. И потому для того, чтобы можно было судить о томъ, что называется наукой, я постараюсь, распредѣливъ всѣ знанія, называемыя науками, по тѣмъ цѣлямъ, которыя они преслѣдуютъ, обсудить, насколько всѣ знанія эти соответствуютъ требованіямъ настоящей науки, а если не соответствуютъ, то достигаютъ ли хотя тѣхъ цѣлей, которыя ставятъ себѣ люди, занимающіеся ими.

Знанія, называемыя науками, сами собой распредѣляются по ихъ цѣлямъ на три главные отдѣла.

Первый отдѣлъ, это науки естественныя: біологія во всѣхъ своихъ подраздѣленіяхъ, потомъ астрономія, математика и теоретическія, т.-е. не прикладныя: физика, химія и другія со всѣми своими подраздѣленіями. Второй отдѣлъ будутъ составлять науки прикладныя: прикладныя физика, химія, механика, технологія, агрономія, медицина и другія, имѣющія цѣлью овладѣваніе силами природы для облегченія труда людскаго. Третій отдѣлъ будутъ составлять всѣ тѣ много-

численныя науки, цѣль которыхъ оправданіе и утвержденіе существующаго общественнаго устройства. Таковы всѣ такъ называемыя науки богословскія, философскія, историческія, юридическія, политическія.

«Науки» перваго отдѣла: астрономія, математика, въ особенности столь любимая и восхваляемая такъ называемыми образованными людьми біологія и теорія происхожденія организмовъ и многія другія «науки», ставящія цѣлью своей одну любознательность, не могутъ быть признаны науками въ точномъ смыслѣ этого слова по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что всѣ эти знанія не отвѣчаютъ основному требованію истинной науки: указанія людямъ того, что они должны и чего не должны дѣлать для того, чтобы жизнь ихъ была хорошая. Во-вторыхъ, не могутъ быть признаны науками еще и потому, что не удовлетворяютъ тѣмъ самымъ требованіямъ любознательности, которыя ставятъ себѣ занимающіеся ими люди. Не удовлетворяютъ же всѣ эти «науки», за исключеніемъ математики, требованіямъ любознательности потому, что, изслѣдуя явленія, происходящія въ мірѣ неодушевленномъ и въ мірѣ растительномъ и животномъ, «науки» эти строятъ всѣ свои изслѣдованія на невѣрномъ положеніи о томъ, что все то, что представляется человѣку извѣстнымъ образомъ, дѣйствительно существуетъ такъ, какъ оно ему представляется. Положеніе же это о томъ, что міръ дѣйствительно таковъ, какимъ онъ познается однимъ изъ безчисленныхъ существъ міра—человѣкомъ, тѣми внѣшними чувствами: зрѣніемъ, слухомъ, осязаніемъ, обоняніемъ, вкусомъ, которыми одарено это существо (человѣкъ), совершенно произвольно и невѣрно. Совершенно произвольно и невѣрно это положеніе потому, что для вся-

каго существа, одареннаго другими чувствами, какъ на примѣръ, рака или для микроскопическаго насѣкомаго и для многихъ и многихъ, какъ извѣстныхъ, такъ и неизвѣстныхъ намъ существъ, міръ будетъ совершенно иной.

Такъ что первое положеніе, на которомъ основываются всѣ эти «науки», положеніе о томъ, что міръ въ дѣйствительности таковъ, какимъ онъ представляется человѣку, произвольно и невѣрно. А потому и всѣ выводы изъ этого положенія, основаннаго на данныхъ внѣшнихъ чувствъ одного изъ существъ міра — человѣка, не содержитъ въ себѣ ничего реальнаго и не могутъ удовлетворить серьезной любознательности.

Но если и допустить, что міръ дѣйствительно таковъ, какимъ онъ представляется одному изъ безчисленныхъ существъ, живущихъ въ мірѣ, — человѣку, или то, что не имѣя возможности познать міръ, каковъ онъ въ дѣйствительности, мы довольствуемся изученіемъ того міра, который представляется человѣку, то и тогда познаніе этого міра не можетъ точно такъ же удовлетворить требованіямъ разумной любознательности. Не можетъ удовлетворить потому, что всѣ явленія этого міра представляются человѣку не иначе, какъ въ безконечномъ времени и безконечномъ пространствѣ. И потому, какъ причины, такъ и послѣдствія каждаго явленія, а также и отношеніе каждаго предмета къ окружающимъ его предметамъ никогда не могутъ быть *дѣйствительно* постигнуты. Причины происхожденія каждаго явленія, а также и послѣдствія его теряются въ безконечномъ прошедшемъ и будущемъ времени. Точно также отношеніе какихъ бы то ни было предметовъ къ окружающимъ ихъ предметамъ не можетъ быть точно опредѣлено, такъ какъ всякій предметъ не

можетъ быть представляемъ иначе, какъ веществомъ въ пространствѣ, а вещественные предметы не могутъ быть мыслимы иначе, какъ по отношенію къ безконечно великимъ и безконечно малымъ предметамъ.

Человѣкъ произошелъ отъ низшихъ животныхъ, а низшія животныя отъ кого? А сама земля какъ произошла? А какъ произошло то, отъ чего произошла земля? Гдѣ мнѣ остановиться, когда я знаю, что во времени конца нѣтъ и не можетъ быть ни впередъ ни назадъ. Или мнѣ говорятъ, что солнце во столько - то тысячъ разъ больше земли. Но солнце ничто въ сравненіи съ звѣздами въ млечномъ пути. А въ человѣческой крови шарики, а въ шарикахъ молекулы, а въ молекулахъ чтò?

Такъ что хотя могутъ быть и забавны, и интересны для людей, свободныхъ отъ необходимаго для жизни труда, изслѣдованіе такъ называемыхъ естественныхъ «наукъ» о происхожденіи міровъ или органической жизни, или о разстояніяхъ и величинѣ міровъ, или о жизни микроскопическихъ организмовъ и т. п., изслѣдованія эти не могутъ имѣть никакого значенія для серьезнаго, мыслящаго человѣка, такъ какъ составляютъ только праздную игру ума, и потому ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаваемы науками.

Такъ это по отношенію перваго отдѣла такъ называемыхъ наукъ.

Второй отдѣлъ «наукъ» — прикладныя, т. е. различныя знанія о томъ, какъ наилучшимъ способомъ бороться съ силами природы и какъ пользоваться ими для облегченія труда людскаго, еще менѣе, чѣмъ знанія перваго отдѣла, могутъ быть признаны наукой. Не могутъ быть такого рода знанія быть признаны наукой потому, что свой-

ство истинной науки, такъ же, какъ и цѣль ея, есть всегда благо людей, всѣ же эти прикладныя «науки», какъ физика, химія, механика, даже медицина и другія могутъ такъ же часто служить вреду, какъ и пользѣ людей, какъ это и происходитъ теперь. Теперь, при капиталистическомъ устройствѣ жизни, успѣхи всѣхъ прикладныхъ наукъ: физики, химіи, механики и другихъ, неизбѣжно только увеличиваютъ власть богатыхъ надъ порабощенными рабочими и усиливаютъ ужасы и злодѣйства войнъ. И потому всѣ прикладныя знанія могутъ быть признаны мастерствами или теоріями различныхъ мастерствъ, но никакъ не наукой.

Остается третій разрядъ знаній, называемыхъ наукой: знаній, имѣющихъ цѣлью оправданіе существующаго устройства жизни. Знанія эти не только не отвѣчаютъ главному условію того, что составляетъ сущность науки: служенію блага людей, но преслѣдуетъ прямо обратную, вполне опредѣленную цѣль: удержать большинство людей въ рабствѣ меньшинства, употребляя для этого всякаго рода софизмы, лжетолкованія, обманы, мошенничества. «Науки» эти прежде всего богословскія, кощунственно называемыя закономъ Божиимъ, разныя гомилетики, патристики и пр. пр. Потомъ лжефилософскія, какъ Гегель, Марксъ, Геккель, Ницше и т. п. Потомъ юриспруденція со всѣми своими пропедевтиками, криминалистами, международными, финансовыми, и т. п. правами; потомъ историческія науки съ своимъ патриотизмомъ и списаніями всякаго рода преступленій въ видѣ великихъ подвиговъ. Думаю, что излишне говорить о томъ, что всѣ эти знанія, имѣющія цѣлью зло, а не благо человечества, не могутъ быть названы наукой.

VI.

Такъ что въ наше время называется наукой не то, что всѣми людьми признается истиннымъ, разумнымъ и нужнымъ, а наоборотъ, признается истиннымъ, разумнымъ и ненужнымъ все то, что нѣкоторыми людьми называется наукой.

И потому на вашъ вопросъ, вредна ли наука и въ чемъ ея вредъ, отвѣтъ мой тотъ, что нѣтъ на свѣтѣ ничего нужнѣе, благотворнѣе настоящей науки, и напротивъ, нѣтъ ничего вреднѣе пустяковъ, которые называются праздными людьми нашего міра науками.

Одна изъ главныхъ причинъ того зла, отъ котораго теперь страдаютъ люди, того дѣленія людей на властвующихъ и подвластныхъ, на рабовъ и господъ, и той ненависти и злодѣяній, которыя производятъ это дѣленіе, одна изъ главныхъ причинъ этого зла — лженаука. Эта лженаука даетъ властвующимъ возможность властвовать и лишаетъ подвластныхъ возможности освободиться отъ своего порабощенія. И тѣ, которые властвуютъ (я разумѣю не однѣ правительства, а всю властвующую касту), знаютъ это и хотя часто и безсознательно, но чутко, чтобы не выпустить власть изъ рукъ, слѣдятъ за наукой и всѣми силами поддерживаютъ ту, такъ называемую науку, которая имъ на руку. И всячески заглушаютъ, извращаютъ ту истинную науку, которая можетъ облегчить ихъ беззаконную, преступную жизнь.

Люди, эти, составляющіе правительство и властвующіе классы, хорошо знаютъ, что все дѣло въ томъ, усвоится народомъ ложная или истинная наука, и потому учреждаютъ и поддерживаютъ, одобряютъ и поощряютъ всѣ тѣ пустяки, не-

пужня разсужденія и изслѣдованія, праздныя умствованія, всякія теоріи разныхъ мастерствъ, приспособленій къ жизни и всякаго рода юридическіе, богословскіе и философскіе софизмы, которые называются науками, настоящую же науку, науку о томъ, какъ жить доброй жизнью, признають «ненаучной», принадлежащей къ чуждой наукѣ области религіи. Область же религіи признается ими — у насъ преимущественно правительствомъ, въ другихъ христіанскихъ странахъ: Англіи, Германіи, Франціи, Австріи, высшими сословіями — не подлежащей обсужденію, и всѣ данныя религій, несмотря на явныя въ нихъ нелѣпости, выдаваемые за священныя истины, признаются неизмѣнно такими, какими они дошли до насъ. Въ области наукъ считается необходимымъ изслѣдованіе, провѣрка изучаемаго, и хотя сами по себѣ предметы лженауки ничтожны, т.-е. исключено изъ нея все то, что касается серьезныхъ и нравственныхъ вопросовъ жизни, въ ней не допускается ничего нелѣпаго, прямо противнаго здравому смыслу. Область же религіи, къ которой отнесены всѣ серьезные, жизненные, нравственные вопросы, вся переполнена бессмысленными чудесами, догматами, прямо противными здравому смыслу, часто даже и нравственному чувству, къ устраненію которыхъ никто не смѣетъ прикоснуться. И потому естественно, что люди «науки», съ особеннымъ уваженіемъ, подобострастіемъ относясь къ своимъ пустяшнымъ знаніямъ и снисходительнымъ презрѣніемъ къ тому соединенію глубокихъ и нуждѣйшихъ истинъ о смыслѣ и поведеніи въ жизни съ нелѣпыми чудесами и догматами, называемому религіей, внушаютъ такія же чувства къ своимъ ученикамъ.

И выходитъ то, что люди изъ народа, ищущіе просвѣщенія — а ихъ теперь милліоны — съ цер-

выхъ шаговъ на пути своего просвѣщенія находятъ передъ собой только двѣ дороги: религіозное, отсталое, закостенѣлое ученіе, признаваемое священноі, непогрѣшимой истиной, не могущее уже удовлетворить ихъ разумнымъ требованіямъ, или тѣ пустяки, называемые наукой, которые, какъ нѣчто почти священное, восхваляется людьми властвующаго сословія. И люди изъ народа всегда почти попадаютъ обману и, избирая то, что называется наукой, забиваютъ себѣ голову ненужными знаніями и теряютъ то свойственное уваженіе къ важнѣйшему нравственному ученію о жизни, которое, хотя въ извращенномъ видѣ, они признавали въ религіозныхъ вѣрованіяхъ. А какъ только люди изъ народа вступаютъ на этотъ путь, съ ними дѣлается то самое, чего не хотятъ властвующіе классы: они, теряя понятіе объ истинной, настоящей наукѣ, становятся покорными орудіями въ рукахъ властвующихъ классовъ для поддержанія въ рабствѣ своихъ собратьевъ.

Такъ что какъ ни великъ вредъ ложной науки, и въ томъ, что она забиваетъ головы людей самыми ненужными пустяками, и въ томъ, что посредствомъ прикладныхъ знаній даетъ возможность властвующему классу усиливать свою власть надъ рабочимъ народомъ, и въ томъ, что прямо обманываетъ людей изъ народа своими богословскими, квази-философскими, юридическими, историческими и военно-патріотическими лжами, главное, величайшій вредъ того, что называется наукой, въ той полной замѣнѣ истинной науки о томъ, что долженъ дѣлать человекъ для того, чтобы прожить свою жизнь наилучшимъ образомъ, заключавшейся хотя и въ извращенномъ видѣ, въ религіозномъ ученіи, совершенно пустыми, ни на что ненужными или вредными знаніями.

Сначала кажется страннымъ, какъ могло это случиться, какъ могло сдѣлаться то, что то, что должно служить благу людей, стало одной изъ главныхъ причинъ зла среди людей. Но стоитъ только вдуматься въ тѣ условія, при которыхъ возникали и развивались тѣ знанія, которыя называются наукой, чтобы вредоносность этой «науки» не только не представлялась бы странной, но чтобы ясно было, что это и не могло быть иначе.

Вѣдь если бы то, что признается наукой, было произведеніемъ труда мысли всего человѣчества, то такая наука не могла бы быть вредной. Когда же то, что называется наукой, есть произведение людей, преступно незаконно живущихъ въ праздной, развратной жизнью на шеѣ поработеннаго народа, то не можетъ такая наука не быть и ложной, и вредной.

Если бы живущіе грабежомъ разбойники или воровствомъ воры составили свои науки, то наука ихъ не могла бы быть ничѣмъ инымъ, какъ только знаніями о томъ, какъ нанудобнѣйшимъ способомъ грабить, обворовывать людей, какія нужно имѣть для этого орудія и какъ наипрѣятнѣйшимъ образомъ пользоваться награбленнымъ. То же и съ науками людей нашего властвующаго сословія.

УП.

«Но если и согласиться, что наука одного класса людей не можетъ быть вся полезна для всѣхъ, все-таки такія знанія, какъ физика, химія, астрономія, исторія, въ особенности математика (кромѣ того, и искусство), сами по себѣ не могутъ не быть полезны людямъ и расширеніемъ ихъ міросозерцанія и своимъ практическимъ приложеніемъ», — скажутъ люди науки. «Если само

по себѣ нехорошо то, что были и есть люди, которымъ не надо самимъ кормиться, то все-таки все то, что сдѣлали эти люди, благодаря тѣмъ условіямъ, въ которыхъ они находились, не теряетъ отъ этого своей цѣнности».

Нѣтъ, не годится и эта отговорка для оправданія того, что у насъ называется наукой.

Представимъ себѣ, что на островѣ живутъ тысячи семей, съ трудомъ прокармливаясь земледѣльческимъ трудомъ, одна же семья владѣетъ большей половиной острова и, пользуясь нуждой въ землѣ остальныхъ жителей, выстроила себѣ роскошный домъ со всякими усовершенствованными приспособленіями, террасами, картинами, статуями, зеркалами, завела конюшни съ дорогими лошадьми и всякаго рода экипажами и автомобилями, вывела лучшей породы скотъ, развела фруктовые сады съ теплицами, оранжереями, паркъ съ бесѣдками, прудами, фонтанами, теннисомъ и всякими играми. Что будетъ со всѣми этими прекрасными самими по себѣ предметами послѣ того, какъ власть этой одной семьи надъ ея владѣніями уничтожится и тысячи семей, которыя до этого кормились впроголодь на своей землѣ и работали на владѣльцевъ половины острова, получать въ свое распоряженіе дома, конюшни, лошадей, экипажи, скотъ, паркъ, со всѣми его оранжереями, теплицами, фонтанами, теннисомъ?

Какъ ни хороши и домъ, и паркъ, и скотъ, и оранжереи, не могутъ всѣ обитатели острова воспользоваться всѣмъ этимъ. Домъ слишкомъ великъ даже для школы и будетъ слишкомъ дорогъ своей поддержкой и отопленіемъ, скотъ даже для породы слишкомъ тяжелъ, даже для плохихъ коровъ жителей, оранжерей, теплицы, бесѣдки ненужны, такъ же, какъ ненужны другія сосредото-

точенныя въ одномъ мѣстѣ приспособленія богатыхъ владѣльцевъ. Всѣмъ жителямъ острова нужно совѣмъ другое: нужны хорошія дороги, проведенная вода, отдѣльные сады, огороды, нужна только слѣдующая ступень благосостоянія для всѣхъ, не имѣющая ничего общаго съ террасами, статуями, автомобилями, рысаками, оранжереями, цвѣтниками, теннисами и фонтанами. Всѣ эти сами по себѣ хорошіе предметы: статуи, трюмо, оранжереи, рысаки, автомобили, какъ бы ни увеличивалось благосостояніе людей острова, ни для нихъ, ни для будущихъ поколѣній никогда не понадобятся. Увеличивающееся благосостояніе всѣхъ людей, живущихъ общей жизнью, потребуетъ совершенно другихъ предметовъ.

То же и съ знаніями, какъ теоретическими, такъ и прикладными, которыя доведены въ своемъ родѣ до большаго совершенства людьми богатыхъ сословій. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что тѣ знанія и тѣ различныя степени ихъ развитія среди людей, живущихъ внѣ кастъ, одной общей для всѣхъ жизнью, будутъ тѣ же самыя, какъ и тѣ, которыя развились теперь среди людей, живущихъ исключительной жизнью не своимъ, а трудами другихъ людей. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы люди, живущіе всѣ одинаковой, внѣ кастовой жизнью, занялись когда-нибудь вопросами о происхожденіи организмовъ, о величинѣ и составѣ звѣздъ, о радиі, о дѣятельности Александра Македонскаго, объ основахъ церковнаго, уголовнаго и другихъ подобныхъ правъ, объ излеченіи болѣзней, происходящихъ отъ излишествъ и многими и многими другими, которыя теперь считаются науками.

Трудно предположить даже и то, чтобы люди, живущіе общей жизнью, занятые вопросами

истинной науки о томъ, что надо дѣлать каждому человѣку, чтобы жить хорошо, передѣляли бы всё дѣла этой науки такъ, чтобы могли когда-нибудь на досугѣ заняться и аэропланами, и тридцатиэтажными домами, и граммофонами, и подводными лодками, и всёми тѣми чудесами, которыя даютъ теперь прикладныя науки. Людямъ, занятымъ вопросами истинной науки, всегда будетъ слишкомъ много своего, нужнаго дѣла. Дѣло это будетъ въ томъ, чтобы уяснить каждому человѣку, что ему надо дѣлать для того, чтобы не могло быть людей голодныхъ или лишенныхъ возможности пользоваться землей, на которой они родились, чтобы не было женщинъ, отдающихъ на поруганіе свое тѣло, чтобы не было соблазновъ пьянства, алкоголя, опиума, табака, чтобы не было дѣленія на враждебныя народы, не было бы убійствъ на войнахъ людей чужихъ народовъ и своего народа на гильотинахъ и висѣлицахъ, не было бы религіозныхъ обмановъ и многое другое. Мало того, людямъ, занятымъ истинной наукой, надо будетъ уяснить, что надо дѣлать каждому человѣку для того, чтобы хорошо воспитывать дѣтей, чтобы хорошо жить вмѣстѣ, чтобы хорошо питаться, чтобы хорошо воздѣлывать землю. Такъ много такихъ и много другихъ важныхъ вопросовъ будетъ стоять передъ людьми, занятыми истинной наукой, что едва ли когда-нибудь будутъ они въ состояніи и захотятъ заняться граммофонами, аэропланами, взрывчатыми веществами и подводными лодками.

Нѣтъ, не можетъ быть въ той наукѣ, которая выросла на преступленіи, на нарушеніи основного положенія настоящей науки: хоть не любви, а уваженія людей другъ къ другу и потому равенства ихъ между собою, не могло въ такой наукѣ вырабататься что-нибудь не то, что полезное, но не

вредное тому народу. на нарушение правъ котораго основывалась вся эта наука.

VIII.

Вѣдь только забыть хоть на время то, къ чему мы такъ привыкли, что мы уже не спрашиваемъ, хорошо ли это или дурно, и взглянуть на то, что дѣлается съ людьми подъ предлогомъ обученія ихъ наукѣ, т. е. самой нужной истинѣ, чтобы ужаснуться на тѣ преступленія и противъ нравственности и противъ здраваго смысла, которыя совершаются въ этой области.

Устраиваютъ за большія деньги, собранныя съ народа, заведенія, въ которыхъ однимъ людямъ разрѣшается, другимъ не разрѣшается учить и учиться. Опредѣляется, чему и чему должны учиться люди и сколько времени и, главное, какое они за какое ученіе получаютъ въ видѣ диплома, дающаго возможность жить трудами другихъ людей, вознагражденіе.

Награжденіе и выгода за приобрѣтеніе знаній!

Вѣдь это все равно, какъ если бы давали людямъ вознагражденіе за то, что они ѣли приготовленную для нихъ пищу, и запрещали бы людямъ всякую другую, кромѣ этой, пищу.

Уже одно это обѣщаніе вознагражденія и запрещеніе ѣсть свою, несомнѣнно доказываетъ, что пища дурная и что тѣ, кто готовятъ ее, желаютъ не накормить, а отравить потребителей.

Развѣ не то же самое съ тѣмъ, что у насъ называется наукой? Люди властвующаго класса хорошо знаютъ, что живы они только до тѣхъ поръ, пока царствуетъ ихъ ложная наука и скрыта настоящая; знаютъ, что только стань на то мѣсто, на которомъ стоитъ теперь ложная наука, истинная,—

и конецъ ихъ царству. А конецъ ихъ царству потому, что при истинной наукѣ не найдутъ они уже себѣ помощниковъ изъ народа для того, чтобы, какъ теперь, посредствомъ этихъ помощниковъ: всякихъ полицейскихъ, чиновниковъ, учителей, тюремщиковъ, а главное, солдатъ, держать народъ въ своей власти—держать въ своей власти самымъ простымъ, стариннымъ способомъ: на награбленные съ народа деньги набирать помощниковъ изъ народа, съ помощниками грабить народъ и частью награбленныхъ денегъ подкупать новыхъ помощниковъ.

Узнай люди народа истинную науку и не будетъ властвующихъ помощниковъ.

И властвующіе знаютъ это, и потому не переставая всѣми возможными средствами, приманками, подкупами, заманиваютъ людей изъ народа къ изученію ложной науки и всякаго рода запрещеніями и насиліями отпугиваютъ отъ настоящей истинной.

Обманъ явный. Что же нужно дѣлать людямъ, чтобы избавиться отъ него.

А только то, чтобы не поддаваться обману.

А не поддаваться обману значить родителямъ не посылать, какъ теперь, своихъ дѣтей въ устроенныя высшими классами для ихъ развращенія школы, и взрослымъ юношамъ и дѣвушкамъ, отрываясь отъ честнаго, нужнаго для жизни труда, не стремиться и не поступать въ устроенныя для ихъ развращенія учебныя заведенія.

Только перестань люди изъ народа поступать въ правительственныя школы, и сама собой не только уничтожится ложная, никому, кромѣ одного класса людей, ненужная лженаука, и сама собой же установится всѣмъ и всегда необходимая и

свойственная природѣ человѣка наука о томъ, какъ ему наилучшимъ образомъ передъ своей совѣстью, передъ Богомъ, прожить опредѣленный каждому срокъ жизни. И такая истинная наука, какъ ни стараются тѣ, кому она невыгодна, заглушить ее, не переставая существовать, какъ и не можетъ не существовать между людьми. Такая истинная наука, какъ она ни забита усиліями людей властвующихъ классовъ, проявляется въ нашемъ мірѣ и въ разныхъ религіозно-нравственныхъ ученіяхъ, не признаваемыхъ ложной наукой и называемыхъ сектами, проявляется, хотя и въ неполномъ и извращенномъ видѣ, въ ученіяхъ коммунизма, социализма, анархизма и, главное, въ личныхъ словесныхъ поученіяхъ людей людямъ.

Только не вѣрь люди въ науку, вводимую насиліемъ и наградами, и не обучайся ей, а держись только той одной свободной науки, которая учитъ только тому, что дѣлать каждому человѣку для того, чтобы прожить свой срокъ жизни, какъ этого хочетъ отъ него Богъ, живущій въ его сердцѣ, и само собой уничтожится то дѣленіе людей на высшихъ властвующихъ и низшихъ подвластныхъ, и большая доля тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ теперь страдаютъ люди.

А такая истинная и свободная, не покупаемая и не продаваемая наука, которой учатся люди не для дипломовъ, а только для того, чтобы познать истину, и которой обучаютъ люди не за деньги, а только для того, чтобы людямъ братьямъ передать то, что знаютъ, такая наука всегда была и есть, и научиться этой наукѣ можно всегда, не поступая за деньги въ школы, гимназій, университетовъ и всякіе курсы, и изъ устныхъ поученій добрыхъ и мудрыхъ людей живущихъ и такихъ же

книжныхъ поученій умершихъ великихъ мудрецовъ и святыхъ людей древности.

Такъ вотъ мое мнѣнiе о томъ, что такое истинная наука и что такое ложная наука, въ чемъ вредъ отъ нея и какъ отъ него избавиться.

Л. Толстой.

1 августа 1909 г.

ЕЩЕ О НАУКѢ.

Мысль моя о недостаткахъ того свода знаній, который принято въ нашемъ мірѣ признавать и называть наукой, состоитъ въ томъ, что истинной наукой можно признавать только такое собраніе знаній, въ которомъ всѣ знанія равномерно распределены и равномерно обработаны. Въ противномъ же случаѣ, какъ это происходитъ теперь среди нашего христіанскаго міра, когда считается наукой, истинной, непогрѣшимой наукой, собраніе, съ одной стороны, знаній, отчасти нужныхъ для практическихъ цѣлей, отчасти совсѣмъ никому ни на что не нужныхъ, какъ естественныя, біологическія, астрономическія и т. п. науки, доведенныя до высшей степени обработки; и съ другой стороны—различныя измышленія, оправдывающія существующій порядокъ или скорѣе безпорядокъ жизни, какъ всѣ историческія, экономическія науки и такъ называемыя науки права; и когда вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно не признаются и не изучаются третьи—самыя важныя и нужныя знанія: религіозныя и нравственныя,—то такое собраніе знаній никакъ не можетъ быть названо «наукой», т. - е. предметомъ важныхъ и заслуживающимъ довѣрія и изученія.

Я нѣсколько разъ высказывалъ эту мысль, сравнивая то, что, по моему мнѣнію, и можно и должно считать истинной наукой,—со сферой,

въ которой всѣ радіусы равной длины и равномерно распределены по своему разстоянію одинъ отъ другого. Сравненіемъ этимъ я выражалъ то, что какъ при такомъ только равномерномъ расположеніи радіусовъ и равной длинѣ ихъ можетъ быть опредѣлена сфера, такъ точно только при равномерномъ распределеніи одинаковой степени обработки знаній можетъ быть опредѣлено и то, что можно считать истинной наукой; и что какъ при большой длинѣ радіусовъ одной стороны и при короткости и отсутствіи радіусовъ другихъ сторонъ не только не можетъ быть опредѣлена сфера, но теряется даже понятіе сферы,—точно такъ же и въ дѣлѣ науки, доведеніе до большей степени обработки одной, малой части знаній и пренебреженіе и игнорированіе всѣхъ другихъ, не только не можетъ составить того, что можетъ быть признано наукой, но есть такое ложное соединеніе случайныхъ произведеній ума, которое лишаетъ людей даже самаго понятія о томъ, чѣмъ можетъ и должна быть истинная наука.

А это-то самое и случилось съ тѣмъ, что въ нашемъ европейскомъ квази-христіанскомъ мірѣ называется наукой. И случилось отъ того, что (продолжая сравненіе знаній съ радіусами сферы), какъ для того, чтобы опредѣлить сферу, нужно прежде всего составить три, взаимно перпендикулярные, равной длины діаметра, и потомъ уже изъ образовавшихся изъ перекрещенія этихъ діаметровъ прямыхъ угловъ проводить равномерно отдаленные другъ отъ друга одинаковой длины діаметры,—точно такъ же и въ дѣлѣ науки, вообще для опредѣленія ея, необходимо прежде всего положить главныя основы всѣхъ знаній, составляющихъ науку. А такихъ основъ, по мнѣнію не моему, а всѣхъ величайшихъ мудрецовъ

и учителей жизни всего міра, такъ же, какъ и диаметровъ, опредѣляющихъ сферу, тоже три: первая, ученіе о своемъ «я», отдѣльномъ отъ всего, т.-е. ученіе о душѣ; вторая, ученіе о томъ, что такое то Все, отъ чего человѣческое «я» сознаетъ себя отдѣльнымъ, т.-е. ученіе о Богѣ; и третья, ученіе о томъ, каково должно быть отношеніе «я» къ тому Всему, отъ чего оно отдѣлено, т.-е. ученіе о нравственности.

И точно такъ же, какъ только при составленіи трехъ взаимно перпендикулярныхъ диаметровъ возможно проведеніе дальнѣйшихъ диаметровъ и опредѣленіе дугъ, точно такъ же и въ дѣлѣ науки, въ ея истинномъ смыслѣ, только при постановкѣ въ основу всѣхъ знаній этихъ трехъ основныхъ ученій, возможно дальнѣйшее развитіе знаній и рѣшеніе вопроса о томъ, какое изъ всѣхъ знаній должно быть выбрано прежде и какое послѣ, а также и то, до какой степени должно быть доведено каждое изъ нихъ.

Такъ что безъ этихъ ученій: о душѣ, о Богѣ и нравственности не можетъ быть разумнаго знанія, т.-е. того, что можетъ быть названо наукой.

А эти-то ученія вполнѣ отсутствуютъ въ нашемъ мірѣ, и отъ того (какъ это и должно было быть), наукой, считающейся очень важнымъ дѣломъ, признается въ нашемъ мірѣ случайный сбродъ праздныхъ упражненій и часто вредныхъ мыслей, не только лишающихъ людей возможности разумнаго представленія о томъ, чѣмъ можетъ и должна быть наука, но и возможности какого-либо нравственнаго ученія, связаннаго съ такой наукой. Отъ этого то—и безнравственная жизнь людей нашего міра, отъ этого и ложь науки. Безнравственная жизнь поддерживается ложной наукой. Ложная же наука въ свою очередь поддер-

живають безпиравственну жизнь людей. И выхода изъ этого ложнаго круга нѣтъ иного, какъ только полное признаніе ложности существующей науки и попытки установленія истинной.

Истинной же наукой, по моему мнѣнію, можетъ быть и будетъ только такая наука, въ основу которой будетъ положено религіозно-нравственное ученіе о душѣ человѣка, о Богѣ и нравственности, и когда вслѣдствіе этого, наука эта не будетъ, какъ теперь, средствомъ увеселенія, препровожденія времени, удовлетворенія празднаго любопытства, матеріальныхъ улучшеній одного сословія богатыхъ людей, а будетъ необходимымъ для *всѣхъ*, *всѣхъ* ученіемъ о жизни и въ нравственномъ, духовномъ и практическомъ смыслѣ, и доступнымъ всѣмъ, всѣмъ людямъ, а прежде всего трудящемуся сословію, а не одному малому праздному классу людей. Вслѣдствіе чего такая наука не будетъ, какъ теперь, продаваться и покупаться, не будетъ мастерствомъ, не будетъ посредствомъ улучшенія своего матеріальнаго положенія, а будетъ естественно безкорыстно, радостно, какъ все духовное, передаваться отъ людей людямъ.

Какая это будетъ истинная наука, въ какихъ формахъ она проявится и много ли въ ней останется изъ того, что теперь считается наукой, мы не знаемъ и не можемъ знать; но навѣрное можно сказать, что такая наука, наука всего народа, будетъ совсѣмъ иная, чѣмъ теперяшняя наука, наука одного и самаго развращеннаго сословія.

Но можетъ быть, люди, вѣрующіе въ науку, скажутъ, что мое опредѣленіе того, что основой всѣхъ знаній должны быть ученія о душѣ о Богѣ и нравственности, произвольно, и что человѣку нужнѣе знать о вѣсѣ солнца и о микробахъ, и о происхожденіи животныхъ, и о 7000 видахъ мухъ

и т. п., чѣмъ знать то, что онъ такое, что то Все, отъ чего онъ чувствуетъ себя отдѣльнымъ, и какъ ему надо жить. Знаю, что многіе люди нашего времени, вѣрующіе въ науку, такъ же, какъ люди вѣрятъ въ церковное ученіе, скажутъ или подумаютъ. Точно такъ же, какъ вѣрующіе въ церковь, совершенно искренно и наивно думаютъ и говорятъ, что утвержденіе о томъ, что вся вѣра въ томъ, чтобы любить Бога и ближняго, произвольно, и что гораздо важнѣе знать, какія иконы исцѣляютъ и въ какой именно моментъ совершается пресуществленіе и т. п., точно такъ же и вѣрующіе въ науку совершенно искренно убѣждены въ томъ, что утвержденіе о томъ, что сущность науки въ религіозно-нравственномъ ученіи, есть парадоксъ и отсталость, а что истинная наука въ томъ, чтобы знать, какой царь и когда и съ кѣмъ воевалъ, и кто какіе писалъ стихи, и какъ г. Р. опредѣляетъ государственное право совершенно противно тому, какъ его опредѣляетъ С., и какъ произошла обезьяна и какая и когда придетъ комета и т. п. Люди эти такъ увѣрены въ томъ, что посредствомъ памяти, набивъ себѣ голову всякими праздными разсужденіями праздныхъ господъ о самыхъ ненужныхъ людямъ предметахъ, они стоятъ на высшей точкѣ человѣческаго развитія, что доказывать что-либо такимъ людямъ совершенно бесполезно. Тѣхъ же людей, у которыхъ слѣпая вѣра въ науку не загородила совершенно возможность критическаго отношенія къ тому, что они называютъ наукой, я очень прошу, понять сущность моихъ доводовъ, показать мнѣ, въ чемъ я ошибаюсь.

Для того же, чтобы мои будущіе возражатели не отдалялись бы отъ сущности вопроса, я поста-

раюсь здѣсь еще разъ, насколько могу коротко и ясно, выразить сущность моего осужденія и отрицанія того, что въ нашемъ мірѣ признается и называется наукой.

Отрицаю я то, что среди насъ называется наукой, потому, что все то, что среди насъ называется этимъ именемъ, есть случайный подборъ знаній, которыя нужны или интересны, или забавны для малаго числа людей, освободившихъ себя отъ тѣлеснаго, нужнаго для жизни, труда и перенесшихъ этотъ трудъ на шею народа, лишеннаго большей частью самыхъ первобытныхъ нужныхъ для него знаній. Отрицаю я то, что у насъ называется наукой, еще и потому, что знанія, какія въ нашемъ мірѣ считаются наукой, покупаются, продаются, какъ всякій товаръ, и потому доступны только богатымъ классамъ и немногимъ людямъ изъ народа, которымъ или особенныя способности, преимущественно память для изученія этихъ знаній, или особенныя жизненныя случайности даютъ возможность, усвоивъ эту выгодную въ житейскомъ смыслѣ науку, выйти изъ среды рабочаго народа и благодаря «наукѣ» сѣсть на его шею. Отрицаю я, главное, то, что у насъ называется наукой, потому, что эта «наука» не только не включаетъ въ себя самыхъ важныхъ знаній чело-вѣчества о душѣ, о Богѣ и нравственности, но, напротивъ, умышленно игнорируетъ эти знанія, извращаетъ ихъ, или проповѣдуетъ ученія, долженствующія замѣнить ихъ.

Такъ что все то, что у насъ считается наукой, не только не есть ничто несомнѣнно истинное и благотворное для народа, для всего народа, какъ это внушаютъ жрецы «науки», но есть такой же грубый и зловредный обманъ, какъ и обманъ церковнаго закона Божія, имѣющій ту же цѣль: съ

одной стороны — удовлетвореніе воображенія ума и даже сентиментальности праздныхъ людей, съ другой стороны — оправданіе существующаго, ложнаго безиравственнаго устройства жизни.

Левъ Толстой.

9 Декабря 1909 г.
Ясная Поляна.

Къ статью „О наукѣ“.

(Изъ частныхъ писемъ Л. Н. Толстого).

Гдѣ это Н. нашелъ у меня выраженіе религиозной истины, скрывающееся въ образныхъ покровахъ и туманныхъ понятіяхъ? Сообщите ему прилагаемое изложеніе религиозныхъ основъ, въ которыхъ, полагаю, трудно найти какіе-либо покровы и туманы. Прибавить къ этому могу только то, что такіе мои взгляды на религію мнѣ не разъ приходилось передавать не только неученымъ, но почти безграмотнымъ людямъ и взгляды эти бывали усваиваемы, такъ что усвоившими ихъ съ совершенной точностью передавались и другимъ, не только молодымъ, свободно мыслящимъ, но и старымъ людямъ изъ крестьянъ. Среди же нашего, такъ называемаго образованнаго, ученаго сословія, за рѣдкими исключеніями, всегда встрѣчаю полное непониманіе. Я говорю непониманіе, а не несогласіе потому, что при несогласіи могли и должны бы быть возраженія, но таковыхъ никогда не бывало и не бываетъ, какъ никогда не бываетъ ихъ и отъ церковниковъ. Оно и не можетъ быть иначе, такъ какъ непониманіе образованныхъ ученыхъ происходитъ отъ той же причины, какъ и непониманіе церковниковъ—отъ слѣпой вѣры: у однихъ въ церковь, у другихъ въ науку. Такъ что я долженъ сказать, совѣмъ не ради краснаго словца, а потому, что это такъ есть, что не только ученость не нужна для того прозрачнаго, религиознаго пониманія, о

которомъ говорить N, но напротивъ — ничто такъ не мѣшаетъ здравому и трезвому религіозному пониманію, какъ именно то, что называется образованностью и ученостью. Оно и не можетъ быть иначе, такъ какъ человѣкъ изъ народа — не говоря уже объ условіяхъ жизни болѣе разумныхъ, естественныхъ, чѣмъ условія жизни «ученыхъ», въ которыхъ они находятся — человѣкъ изъ народа, понявъ разъ навсегда ложь церковной вѣры и откинувъ ее, остается совершенно свободнымъ, чистымъ — именно прозрачнымъ для воспринятія истины; человѣкъ же ученый, умственно развращенный уже гимназіями, университетами, академіями большей частью, откинувъ ложную церковность иногда же оставаясь вѣрнымъ ей, всегда уже полонъ съ дѣтства внушенными ему догматами научной вѣры, несомвѣстимой съ религіозными истинами въ ихъ простомъ, рационалистическомъ изложеніи.

5 Января 1910 года.
Ясная Поляна.

---

9 Января 1910 года.
Ясная Поляна.

Къ тому, что я писалъ... о большей воспримчивости высшихъ религіозныхъ истинъ неучеными, чѣмъ учеными, хочется прибавить еще вотъ что:

Не говоря уже о томъ, что не можетъ пройти даромъ загроможденіе мозга самыми ненужными и большей частью ложными понятіями и представленіями, не говоря уже объ этомъ, даже и самыя понятія «научныя» несравненно болѣе неразумны и ложны, чѣмъ понятія самыя грубыя религіозныя.

Такъ напримѣръ, возьмемъ хоть бы самый обычный вопросъ о происхожденіи міра и себя — человѣка. Вопросъ о происхожденіи во времени міра и человѣка (себя) во времени для человѣка, не могущаго представить себѣ ничего вещественнаго иначе, какъ во времени, или, въ сущности, вопросъ, о томъ, какъ пайти конечную точку безконечнаго времени, есть вопросъ ложно поставленный. И вотъ религія, въ своей самой грубой формѣ отвѣчаетъ на него тѣмъ, что сотворилъ міръ Богъ въ 6 дней и т. д. Отвѣтъ нелѣпый, но въ немъ есть понятіе Бога—чего-то непонятнаго—находящагося внѣ возможности представленія человѣка, и потому внѣ времени. Отвѣтъ нелѣпый по подробностямъ, но вѣрный по существу: сущность его въ томъ, что происхожденіе міра имѣетъ причину безвременную. И отвѣтъ въ основѣ своей разуменъ. Онъ говоритъ, что начало жизни внѣ времени.

Какъ же отвѣчаетъ на этотъ же вопросъ наука?

Самыми нелѣпыми, чтобы не сказать просто глупыми разсужденіями и сложными, многословными описаніями и наблюденіями, какъ одни предметы въ нашемъ полѣ наблюденія переходили изъ однихъ видовъ въ другія. Наука и не допускаетъ мысли о томъ, что само собой бросается въ глаза всякому человѣку, не одуренному суевѣріемъ науки, что происхожденіе предметовъ и зависимость ихъ другъ отъ друга въ мірѣ вещественномъ, который мы не можемъ себѣ представить иначе, какъ въ безконечномъ пространствѣ и безконечномъ времени, никакъ не могутъ быть опредѣлены, и что занятія вопросами о зависимости и происхожденіи предметовъ въ мірѣ вещественномъ, т.-е. въ безконечномъ пространствѣ и времени есть самое празд-

ное и глупое занятіе. А между тѣмъ «эволюція» есть любимое слово и понятіе научныхъ людей, есть слово и понятіе нисколько не болѣе разумное и понятное, чѣмъ слова «триединое», «пресуществовленіе» и т. п.

На-дняхъ пріѣзжалъ ко мнѣ ученый докторъ— онъ и писалъ мнѣ — съ вопросомъ о томъ, какъ изложить ясно и точно научное пониманіе *смысла жизни*. Я сказалъ ему, что по моему мнѣнію смыслъ жизни опредѣляется стремленіемъ къ благу того невещественнаго начала, которое мы сознаемъ въ себѣ. Ученый докторъ не слушалъ меня..., и перебилъ меня, сказавъ, что все же это субъективно, а желательно объективное опредѣленіе смысла жизни. И, чтобы объяснить свою мысль, началъ говорить объ эволюціи. Услыхавъ это слово, я извинился, что не могу долѣе продолжать бесѣду.

Все это я пишу для того, чтобы показать на опытѣ насколько выше самое грубое, религіозное пониманіе жизни такого научнаго пониманія. Тамъ есть понятіе внѣ-временное, внѣ-пространное, неподвижное и невещественное — Богъ, которое отвѣчаетъ на всѣ неразрѣшимые вопросы, стоящіе передъ человѣкомъ, отвѣчаетъ признаніемъ недоступности для человѣка этихъ вопросовъ: «Богъ сотворилъ міръ и меня»—собственно значить то, что я не знаю и не могу знать, какъ произошли я и міръ и начало всего. Научные же люди вполне увѣрены, что они знаютъ, могутъ знать и навѣрное узнаютъ, какъ произошелъ міръ и человѣкъ и вполне увѣрены, что та доступная имъ, безконечно малая частица знанія той безконечно великой области недоступнаго намъ знанія есть настоящее знаніе и нѣтъ ничего недоступнаго знанію человѣка. Поэтому-то я не только думаю, но и по разсужденію и опыту знаю, что религіозный

человѣкъ съ самыми грубыми религіозными представленіями все-таки по воспріимчивости къ истинѣ стоитъ неизмѣримо выше научнаго суевѣра. Первый знаетъ, что есть нѣчто, чего нельзя знать; второй же увѣренъ, что нѣтъ ничего такого, чего нельзя не знать и что все, что онъ знаетъ, есть истинное знаніе. Первому нужно только откинуть наросты суевѣрій на томъ, что онъ признаетъ непостижимымъ, и у него нѣтъ препятствій для истины. Второму же нельзя воспринять истину, потому что онъ весь полонъ ложью, которую считаетъ за истину, и у него нѣтъ того мѣста, куда бы онъ могъ принять истину.

Важнѣе всего въ знаніи это то, чтобы не воображать, что знаешь, чего не знаешь, а знать, что не знаешь того, чего не знаешь. И это свойство имѣютъ люди религіозные, хотя бы религія ихъ выражалась въ самыхъ грубыхъ формахъ; совершенно же лишены этого свойства люди научные.

---

11 Января 1910 года.
Ясная Поляна.

Такъ это въ общемъ вопросъ знанія о происхожденіи міра, то же самое и во всѣхъ знаніяхъ и по частнымъ вопросамъ.

Возьму хотя бы самое простое знаніе о томъ, отъ чего бываетъ день и ночь и о томъ, что происходитъ на небѣ. Неученый большей частью рабочій человѣкъ, который видитъ почти всегда восходъ и заходъ солнца, говоритъ и думаетъ, что день и ночь бываетъ отъ того, что какъ онъ это ясно видитъ, солнце выходитъ съ одной стороны изъ-за лѣса или изъ-за поля, а ночь бываетъ, когда оно съ другой стороны заходитъ. Знаетъ и

то, что съ весны оно встаетъ раньше и въ одномъ мѣстѣ, а зимой позднѣе и въ другомъ мѣстѣ. Знаетъ и то, что ночью на небѣ бываютъ звѣзды и звѣзды такъ же, какъ и солнце, всходятъ и заходятъ. Ученый же, такъ называемый «образованный» человѣкъ, хотя самъ и рѣдко видитъ восходъ солнца и не наблюдалъ перемѣну мѣста восхода и захода, говорить и думаетъ, что день и ночь бываютъ отъ того, что вертится земля около своей воображаемой оси, а зима и лѣто отъ того, что вся земля вертится по воображаемой орбитѣ вокругъ солнца, говорить и думаетъ кромѣ того еще и то, что солнце не одно, а такихъ нѣсколько десятковъ тысячъ и что многія изъ нихъ, такъ же какъ земля, вертятся вокругъ другого солнца. Все это онъ не то, что знаетъ, а принимаетъ на вѣру.

Какъ ни остроумна коперникова система и какъ ни забавны могутъ быть для праздныхъ людей ихъ, съ помощью сотни милліоновъ стоящихъ обсерваторій и телескоповъ, изслѣдованія туманныхъ пятенъ и каналовъ на Марсѣ и т. п., нельзя не признать каждому добросовѣстному и серьезному человѣку того, что знаніе мужика о томъ, что происходитъ на небѣ суть дѣйствительныя, но самостоятельныя знанія, знанія же ученаго суть и сомнительныя и не самостоятельныя и очень гадательныя и ни на что, кромѣ какъ на препровожденіе времени богатыхъ людей не нужныя знанія. То же самое и во всѣхъ другихъ опытныхъ наукахъ — не говорю уже объ юриспруденціи, политической экономіи и другихъ. И какое при этомъ несокрушимое самодовольство ученыхъ, образованныхъ. А думаю, что безъ ошибки можно сказать, что истинныя доказательства людей всегда обратно пропорціональны тому мнѣнію, которое имѣютъ люди о своихъ достоинствахъ, и что нѣтъ болѣе вѣрнаго

признака шлчгожества приписываемаго себѣ людьми достоинства, какъ то высокое мнѣніе, которое о немъ имѣютъ люди. А едва ли есть въ наше время болѣе самоувѣренные и самодовольные люди, чѣмъ люди нашего времени, считающіе себя учеными, образованными. Люди нашего времени гордятся открытіемъ ни на что ненужнаго радія, свѣтъ котораго истощится только черезъ 3 милліона лѣтъ (это старательно вычислено) точно такъ же, какъ цари и ихъ подданные гордятся царскимъ величіемъ.

Да, одна эта ужасающая самоувѣренность нашей науки есть вѣрнѣйшій признакъ ея ничтожества.

Да, еще непременно укажите N-ну на 9 Января Круга Чтенія, всѣ мысли этого дня, я бы желалъ поставить эпиграфомъ моего возраженія ему.

Истинное знаніе самостоятельно.

1.

Только, когда мы совсѣмъ забудемъ то, чему учились, мы начинаемъ истинно познавать. Я ни на волосъ не приближусь къ познанію предмета до тѣхъ поръ, пока буду предполагать, что мое отношеніе къ нему установлено ученымъ человекомъ. Чтобы познать предметъ совершенно, я долженъ подойти къ нему, какъ къ чему-то совершенно чуждому.

Торо.

2.

Непрерывный притокъ чужихъ мыслей долженъ задерживать и заглушать собственныя, а за долгій періодъ времени — даже парализовать силу мысли, если она не обладаетъ въ высокой мѣрѣ упругостью, чтобы сопротивляться этому неесте-

ственному притоку. Вотъ чѣмъ постоянное чтеніе и изученіе разстраиываетъ голову; а также еще и тѣмъ, что система нашихъ собственныхъ мыслей и познаній утрачиваетъ свою цѣльность и непрерывную связь, если мы такъ часто произвольно прерываемъ ее, чтобы удѣлить мѣсто совершенно чуждому ходу мысли. Разгонять свои мысли, чтобы дать мѣсто книжнымъ, — по-моему, все равно, что продавать свою землю, чтобы повидать чужія, — въ чемъ Шекспиръ упрекалъ туристовъ своего времени.

Вредно даже читать о предметѣ прежде, чѣмъ самъ не пораздумалъ о немъ. Ибо вмѣстѣ съ новымъ матеріаломъ въ голову прокрадывается чужая точка зрѣнія на него и чужое отношеніе къ нему, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что лѣнь и апатія внушаютъ избавиться отъ усилій мышленія и принимать готовые мысли и давать имъ ходъ. Эта привычка затѣмъ вкореняется, и тогда мысли все ужь идутъ обычной дорожкой, подобно ручейкамъ, отведеннымъ въ каналы: найти собственную, новую мысль тогда уже вдвойнѣ трудно. Это въ значительной мѣрѣ обуславливаетъ недостатокъ оригинальности у ученыхъ.

Шоенгауэръ.

3.

Знаніе подобно ходячей монетѣ. Человѣкъ имѣетъ отчасти право гордиться обладаніемъ ею, если онъ самъ поработалъ надъ ея золотомъ и пробовалъ ее чеканить, или, по крайней мѣрѣ, честно приобрѣлъ ее уже испробованною. Но когда онъ ничего этого не дѣлалъ, а получилъ отъ какого-то прохожаго, который бросилъ ее ему въ лицо, то какое же основаніе имѣетъ онъ гордиться ею?

Джонъ Рёскинъ.

4.

Для человеческого ума меньше вредно совсѣмъ не учиться, чѣмъ учиться слишкомъ рано и слишкомъ много.

5.

Заслуга величайшихъ мыслителей состоитъ именно въ томъ, что они, независимо отъ существовавшихъ до нихъ книгъ и преданій, выражали то, что сами думали, а не то, что думали прежде жившіе или окружавшіе ихъ люди.

Такъ же точно и каждый изъ насъ долженъ подстергать и улавливать тѣ свѣтлыя мысли, которыя, подобно искрамъ, отъ времени до времени вспыхиваютъ и разгораются въ нашемъ сознаниіи: для cadaго изъ насъ подобныя внутреннія просвѣтлѣнія имѣютъ гораздо больше значенія, нежели созерцаніе и изученіе цѣлаго созвѣздія поэтовъ и мудрецовъ.

Эмерсонъ.

Меньше читайте, меньше учитесь, больше думайте. Учитесь и у учителей и въ книгахъ только тому, что вамъ нужно и хочется знать.

О ПРАВѢ.

(Письмо студенту *).

Получилъ ваше письмо и съ удовольствіемъ отвѣчаю на него. То, что вы выписываете изъ книги г-на Петражицкаго, показалось мнѣ, съ одной стороны, въ высшей степени забавнымъ своими императивными, атрибутивными, этическими и какими-то еще переживаніями, особенно, когда я живо представилъ себѣ ту важность, съ которой все это преподается почтенными, часто старыми уже людьми, и то подобострастное уваженіе, съ которымъ все это воспринимается и заучивается тысячами неглупыхъ и считающихся просвѣщенными молодыхъ людей. Но, кромѣ этой комической стороны, есть въ этомъ дѣлѣ и сторона очень серьезная, и про нее-то мнѣ и хочется сказать то, что я о ней думаю. Серьезная сторона эта въ томъ, что вся эта удивительная такъ называемая «наука» о правѣ, въ сущности величайшая чепуха, придумана и распространяема не de gaiete de coeur, какъ говорятъ французы, а съ очень опредѣленной и очень нехорошей цѣлью: оправдать дурные поступки, постоянно совершаемые людьми нерабочихъ сословій. Серьезная сторона этого дѣла еще и въ томъ, что ни на чемъ нельзя съ большей очевидностью увидать ту низкую степень истиннаго просвѣщенія людей нашего времени,

---

*) Письмо студента см. Приложение II-ое.—*Ред.*

какъ на томъ удивительномъ явленіи, что собраніе такихъ самыхъ запутанныхъ, неясныхъ разсужденій, выраженныхъ выдуманнми, ничего не значущими, смѣшными словами, признается въ нашемъ мірѣ «наукой» и серьезно преподается въ университетахъ и академіяхъ.

Право! Право естественное, право государственное, гражданское, уголовное, право церковное, право войны, право международное, *das Recht, le Droit*, право *). Что же такое то, что называется этимъ страннымъ словомъ? Если разсуждать не по «наукѣ», т.-е. не по атрибутивно-императивнымъ переживаніямъ, а по общему всѣмъ людямъ здравому смыслу опредѣлять то, что въ дѣйствительности подразумѣвается подъ словомъ «право», то отвѣтъ на вопросъ о томъ, что такое право, будетъ очень простой и ясный: правомъ въ дѣйствительности называется, для людей имѣющихъ власть, разрѣшеніе, даваемое ими самимъ себѣ, заставлятъ людей, надъ которыми они имѣютъ власть, дѣлать то, что имъ, властвующимъ, выгодно; для подвластныхъ же правомъ называется разрѣшеніе дѣлать все то, что имъ не запрещено. Право государственное есть право отбирать отъ людей произведенія ихъ труда, посылать ихъ на убійства, называемыя войнами, а для тѣхъ, у кого отбираютъ произведенія ихъ труда и которыхъ посылаютъ на войны, право пользоваться тѣми произведеніями своего труда, которыя еще не отобраны отъ нихъ, и не идти на войну до тѣхъ поръ, пока ихъ не посылаютъ. Право граждан-

*) По англійски слово право *das Recht le droit*, передается словомъ *law*. Англичане совершенно основательно соединили въ одно два искусственно раздѣленные понятія, такъ какъ правомъ называется только то, что утверждено закономъ.

ское есть право однихъ людей на собственность земли, на тысячи, десятки тысячъ десятинъ и на владѣніе орудіями труда, и право тѣхъ, у кого нѣтъ земли и нѣтъ орудій труда, продавать свои труды и свои жизни, умирая отъ нужды и голода, тѣмъ, которые владѣютъ землею и капиталами. Уголовное право есть право однихъ людейсылать, заточать, вѣшать всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ они считаютъ нужнымъсылать, заточать, вѣшать; для людей же ссылаемыхъ, заточаемыхъ и вѣшаемыхъ есть право не быть изгнанными, заключенными, повѣшенными до тѣхъ поръ, пока это тѣмъ, кто имѣетъ возможность это дѣлать, не покажется нужнымъ. То же самое и по международному праву: это право Польши, Индіи, Босніи и Герцеговины жить независимо отъ чужихъ властей, но только до тѣхъ поръ, пока люди, распоряжающіеся большими количествами войскъ, не рѣшатъ иначе.

Такъ это ясно для всякаго человѣка, думающаго не по атрибутивно-императивнымъ переживаніямъ, а по общему всѣмъ людямъ здравому смыслу. Для такого человѣка ясно, что то, что скрывается подъ словомъ «право», есть не что иное, какъ только самое грубое оправданіе тѣхъ насилій, которыя совершаются одними людьми надъ другими.

«Но права эти опредѣляются законами», говорятъ на это «ученые». Законами? Да, но законы-то эти придумываются тѣми самими людьми, будь они императоры, короли, совѣтники императоровъ, королей, или члены парламентовъ, которые живутъ насиліями и потому ограждаютъ эти насилія устанавливаемыми ими законами. Они же, тѣ же люди и приводятъ эти законы въ исполненіе, приводятъ же ихъ въ исполненіе до тѣхъ поръ, пока законы

эти для нихъ выгодны, когда же законы эти становятся невыгодны имъ, они придумываютъ новыя, такіе, какіе имъ нужны.

Вѣдь все дѣло очень просто. Есть насилующіе и насилуемые, и насилующимъ хочется оправдать свое насиліе. И вотъ свои распоряженія о томъ, какъ они въ данномъ случаѣ и въ данное время намѣрены насиловать людей, называютъ законами, разрѣшеніе же, которое они сами себѣ даютъ совершать свои насилія, и предписанія насилуемымъ дѣлать только то, что не запрещается имъ, называютъ правомъ.

И тысячи и тысячи молодыхъ людей старательно изучаютъ всѣ эти глупости — еще не бѣда бы была, если бы только глупости, но гадости, на которыхъ строится этотъ грубый и губительный обманъ, и большіе милліоны простыхъ людей, довѣряя тому, что имъ внушаютъ «ученые», безропотно подчиняются той неестественной поавленной жизни, которая слагается для нихъ вслѣдствіе этого проповѣдуемаго и признаваемаго «учеными» людми обмана.

Когда какой-нибудь шахъ персидскій, Іоаннь Грозный, Чингисъ-Ханъ, Неронъ рѣжутъ, бьютъ людей тысячами, это ужасно, но все-таки не такъ ужасно, какъ то, что дѣлаютъ г-да Петражицкіе и имъ подобные. Эти убиваютъ не людей, а все святое, что есть въ нихъ.

Нехорошо суевѣріе и отчасти обманъ какой-нибудь разносимой по народу чудотворной иконы матушки царицы небесной, но въ этомъ суевѣрїи и обманъ есть нѣкоторая поэзія, кромѣ того, обманъ этотъ вызываетъ все-таки добрыя чувства въ людяхъ; но въ суевѣрїи и обманъ «права» нѣтъ ничего, кромѣ самаго гадкаго мошенничества: желанія не только скрыть отъ людей сознаваемую

всѣми нравственно-религіозную истину, по извратить ее, выдать за истину самые жестокіе и противныя нравственности поступки: грабежи, насилія, убійства.

Поразительны при этомъ и дерзость, и глупость, и пренебреженіе къ здравому смыслу, съ которыми эти господа ученые вполне спокойно, самоувѣренно утверждаютъ, что тотъ самый обманъ, который болѣе всего другого развращаетъ людей, нравственно воспитываетъ ихъ. Вѣдь говорить это можно было, и то съ грѣхомъ пополамъ, когда происхожденіе права признавалось божественнымъ, теперь же, когда то, что называется «правомъ», выражается въ законахъ, придумываемыхъ или отдѣльными людьми, или спорящими партіями парламентовъ, казалось бы уже совершенно невозможно признавать постановленія «права» абсолютно справедливыми и говорить о воспитательномъ значеніи «права». Главное же, говорить о воспитательномъ значеніи «права» нельзя уже потому, что рѣшенія «права» приводятся въ исполненіе насиліями, ссылками, тюрьмами, казнями, т.-е. поступками самыми безнравственными. Говорятъ теперь объ этическомъ, воспитательномъ значеніи «права» все равно, что говорятъ (да и говорили это) объ этическомъ, воспитательномъ значеніи для рабовъ власти рабовладѣльцевъ. Мы теперь въ Россіи, съ полной очевидностью, видимъ это воспитательное значеніе «права». Видимъ, какъ на нашихъ глазахъ развращается народъ, благодаря тѣмъ непрерывающимся преступленіямъ, которыя — вѣроятно, оправдываемыя «правомъ» — совершаются русскими властями. Развращающее вліяніе дѣятельности, основанной на «правѣ», особенно рѣзко замѣтно теперь въ Россіи, но то

же самое всегда и вездѣ есть, было и будетъ, гдѣ есть, — а оно вездѣ есть — гдѣ есть признаніе законности всякаго рода насилій, включающихъ и убійство, основанныхъ на «правѣ».

Да, воспитательное значеніе «права»!

Едва ли въ какомъ-либо другомъ случаѣ доходили до такихъ предѣловъ и наглость, и ложь, и глупость людей.

Этическое, воспитательное значеніе «права»! Вѣдь это ужасно! Главная причина безнравственности людей нашего христіанскаго міра — это этотъ ужасный обманъ, который называется «правомъ», а они говорятъ о воспитательномъ значеніи «права».

Вѣдь никто не станетъ спорить о томъ, что самыя первыя, невысокія требованія нравственности, не говоря уже о любви, состоятъ въ томъ, чтобы не дѣлать другому, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, сострадать бѣдному, голодному, прощать обиды, не грабить людей, не присваивать однимъ людямъ того, на что другіе имѣютъ одинаковое съ ними право, вообще не дѣлать того, что сознается зломъ всякимъ неиспорченнымъ разумнымъ человѣкомъ. И что же, какъ образецъ справедливости и исполненія нравственныхъ требованій, самымъ торжественнымъ образомъ дѣлается людьми, считающими сами себя учителями, руководителями людей? Охраненіе богатствъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, фабрикантовъ, капиталистовъ, нажившихъ свои богатства захватомъ земли, естественно долженствующей быть общей, или ограбленіемъ трудовъ рабочихъ, поставленныхъ, вслѣдствіе отнятія земли, въ полную зависимость отъ капиталистовъ, — охраненіе такое усердное, что когда кто-либо изъ ограбленныхъ, забитыхъ, обманутыхъ, со всѣхъ сторонъ спаива-

емыхъ одуряющими напитками людей, какъ-нибудь присвоить себѣ одну миллионную тѣхъ предметовъ, которые постояннымъ грабежомъ отняты у него и его товарищей, его по «праву» судятъ, запирають, ссылають.

Живеть владѣлецъ тысячи десятинь земли, т.-е. человекъ, противно всякой самой несомнѣнной справедливости завладѣвшій одинъ естественнымъ достояніемъ многихъ, въ особенности тѣхъ, которые живутъ на этой землѣ, т.-е. явно ограбившій и неперестающій грабить ихъ. И вотъ одинъ изъ этихъ ограбляемыхъ людей, безграмотный, одуренный ложной вѣрой, передаваемой ему изъ рода въ родъ, спаиваемый правительствомъ водкой, нуждающійся въ удовлетвореніи самыхъ первыхъ жизненныхъ потребностей, идетъ ночью съ топоромъ въ лѣсъ и срубаетъ дерево, необходимое ему или для постройки, или для того, чтобы на вырученныя деньги купить самое необходимое. Его ловятъ. Онъ нарушилъ «право» владѣтеля тысячи десятинь лѣса, знатоки «права» судятъ его и сажаютъ въ тюрьму, оставляя голодную семью безъ послѣдняго работника. То же совершается вездѣ, въ сотняхъ, тысячахъ такихъ случаевъ въ городахъ, заводахъ и фабрикахъ.

Казалось бы, что не можетъ быть нравственности безъ справедливости, доброты, состраданія, прощенія обидъ. Тутъ все это нарушается во имя «права». И такія-то дѣла, совершаемая ежедневно повсюду тысячами, на основаніи «права», нравственно воспитываютъ людей!

Воспитательное, этическое вліяніе «права»?!

Нѣтъ ничего, даже не исключая богословія, которое такъ неизбѣжно развращало бы, не могло бы не развращать людей.

Можно только удивляться тому, какъ, несмотря на это постоянное и усиленное съ двухъ сторонъ развращеніе народа, еще удержалось въ немъ истинное пониманіе справедливости, уже совершенно потерянное нерабочими сословіями.

«Если ученые господа, знающіе всѣ божескіе и человѣческіе законы, притомъ ни въ чемъ не нуждающіеся, богатые, считаютъ, что надо бѣдняка, который по нуждѣ, или даже по глупости, пьянству, невѣжеству срубилъ въ лѣсу дерево или унесъ изъ завода на 2 рубля товару, посадить въ тюрьму и не прощать, а морить съ голоду его семью, то что же мнѣ - то голому, безграмотному дѣлать, когда у меня сведутъ лошадь? Судить, и не то что засудить, а убить конокрада?» — Такъ должны бы разсуждать люди изъ народа, но они, несмотря на все развращеніе, которому подвергаются отъ «права» и богословія, преимущественно отъ права, все-таки удерживаютъ настоящія, нравственныя, человѣческія черты, которыхъ нѣтъ и помину у людей, устанавливающихъ «права» и живущихъ по нимъ.

Кантъ говорилъ, что болтовня высшихъ учебныхъ заведеній есть большей частью соглашеніе уклоняться отъ рѣшенія трудныхъ вопросовъ, придавая словамъ измѣнчивый смыслъ. Но мало того, что эта болтовня ученыхъ имѣетъ цѣлью уклоненіе отъ рѣшенія трудныхъ вопросовъ, болтовня эта, какъ это происходитъ при болтовнѣ о «правѣ», имѣетъ часто еще самую опредѣленную безнравственную цѣль — оправданіе существующаго зла.

Такъ это въ нравственномъ отношеніи, но и съ точки зрѣнія разумности вѣра въ какую нибудь чудотворную матушку царицу небесную, или въ канонизированную на-дняхъ Жанну д'Аркъ все-таки не такъ нелѣпа, какъ вѣра въ атрибутивныя,

императивныя переживанія и т. п. Казалось бы, въ наше время уже и явная неточность, софистичность самыхъ понятій и искусственность несуществующихъ, выдуманыхъ словъ для ихъ выраженія должны бы сразу отталкивать свѣжіе, молодые умы отъ занятія такими предметами. Но по вашему письму вижу, что и теперь то же самое, что было 60 лѣтъ тому назадъ. Я вѣдь самъ былъ юристомъ и помню, какъ на второмъ курсѣ меня заинтересовала теорія права, и я не для экзамена только началъ изучать ее, думая, что я найду въ ней объясненіе того, что мнѣ казалось страннымъ и неяснымъ въ устройствѣ жизни людей. Но, помню, что чѣмъ болѣе я вникалъ тогда въ смыслъ теоріи права, тѣмъ все болѣе и болѣе убѣждался, что или есть что-то неладное въ этой наукѣ, или я не въ силахъ понять ее; проще говоря, я понемногу убѣждался, что кто-то изъ насъ двухъ долженъ быть очень глупъ: или Неволинъ, авторъ «Энциклопедіи Права», которую я изучалъ, или я, лишенный способности понять всю мудрость этой науки. Мнѣ было тогда 18 лѣтъ, и я не могъ не признать того, что глупъ я, и потому рѣшилъ, что занятія юриспруденціей свѣше моихъ умственныхъ способностей, и оставилъ эти занятія. Теперь же, занятый десятки лѣтъ совсѣмъ другими интересами, я какъ-то забылъ о наукѣ «права» и даже мнѣ смутно представлялось, что большинство людей нашего времени уже выросли изъ этого обмана. Но по вашему письму, я, къ сожалѣнію, вижу, что «наука» эта все еще существуетъ и продолжаетъ совершать свое злоторное дѣло. И потому я радъ случаю высказать объ этой «наукѣ» то, что теперь о ней думаю, и полагаю, что думаю не одинъ я, а вмѣстѣ съ очень и очень многими.

Не стану совѣтовать профессорамъ разныхъ «правъ», проведеннымъ всю жизнь въ изученіи и преподаваніи этой лжи, устроившимся на этомъ преподаваніи свое положеніе въ университетахъ и академіяхъ и часто наивно воображающимъ, что, преподавая свои мотиваціонныя дѣйствія этическихъ переживаній и т. п., они дѣлаютъ что-то очень важное и полезное, не стану такимъ людямъ совѣтовать бросить это дурное занятіе, какъ не стану совѣтовать это священникамъ, архіереямъ, проведеннымъ, какъ и эти господа, всю жизнь въ распространеніи и поддержаніи того, что они считаютъ необходимымъ и полезнымъ. Но вамъ, молодому человѣку, и всѣмъ вашимъ товарищамъ не могу не совѣтовать какъ можно скорѣе, пока голова ваша не совсѣмъ запуталась и нравственное чувство не совсѣмъ притупилось, бросить это, не только пустое и одуряющее, но и вредное и развращающее занятіе.

Вы пишете, что г. Петражицкій въ своихъ лекціяхъ упоминаетъ о томъ, что онъ называетъ моимъ ученіемъ. Ученія у меня никакого нѣтъ и не было. Я ничего не знаю такого, чего не знали бы всѣ люди. Знаю же я со всѣми людьми, съ огромнымъ большинствомъ людей всего міра, то, что всѣ люди свободныя, разумныя существа, въ душу которыхъ вложенъ одинъ высшій, очень простой, ясный и доступный всѣмъ законъ, не имѣющій ничего общаго съ предписаніями людей, называемыми правами и законами. Высшій законъ этотъ, самый простой и доступный всякому человѣку, состоитъ въ томъ, чтобы любить ближняго, какъ самого себя, и потому не дѣлать другому того, чего не желаешь себѣ. Законъ этотъ такъ близокъ сердцу человѣческому, такъ разуменъ, исполненіе его такъ несомнѣнно устанавливаетъ

благо какъ отдѣльнаго лица, такъ и всего человѣчества и такъ одинаково былъ провозглашенъ законъ этотъ всѣми мудрецами міра, отъ ведантистовъ Индіи, Будды, Христа, Конфуція до Руссо, Канта и позднѣйшихъ мыслителей, что если бы не тѣ коварныя и зловредныя усилія, которыя дѣлали и дѣлаютъ богословы и правовѣды для того, чтобы скрыть этотъ законъ отъ людей, законъ этотъ уже давно былъ бы усвоенъ огромнымъ большинствомъ людей, и нравственность людей нашего времени не стояла бы на такой низкой степени, на которой она стоитъ теперь.

Такъ вотъ тѣ мысли, которыя вызвали во мнѣ ваше письмо и которыя я очень радъ случаю высказать.

Письмо это мнѣ хотѣлось бы напечатать. Если вы разрѣшите это, я бы напечаталъ его съ вашимъ письмомъ.

27 Апрѣля 1909 года.

Ясная Поляна.

ПРИЛОЖЕНІЕ I-ое.

Письмо крестьянина.

Здравствуй, дорогой дѣдушка!

Давно собирался написать Вамъ, но все откладывалъ, такъ какъ вопросъ довольно серьезный и требуетъ большой обдуманности. Я мысленно осуждаю науку и рѣшилъ судъ этотъ произнести во всеуслышаніе, на что и хотѣлъ спросить Вашего совѣта. И хорошо, что не поторопился съ обращеніемъ, иначе я бы жестоко ошибся и самъ подпалъ бы осужденію. Впослѣдствіи я пришелъ къ той мысли, имѣю ли я право и кто либо осуждать науку, которая за послѣднее время творить чудеса? Но такая наука тамъ гдѣ-то далеко, у насъ ея нѣтъ; у насъ въ Россіи есть только образованіе, т. е. тоже наука, но только искаженная, изуродованная и обезображенная. Но какая бы она ни была, я лично безсиленъ ее осудить и несомнѣнно мнѣ докажутъ, что я не имѣю права этого сдѣлать, какъ человѣкъ самоучка, не получившій какого бы то ни было образованія. Вотъ это-то меня и заставило обратиться къ Вамъ, дѣдушка, за помощью или совѣтомъ. Вы человѣкъ прошли образованіе и имѣете науку и потому можете разобрать мои мнѣнія. Я нахожу за собой право судить образованіе, хотя я сѣрый крестьянинъ, безъ всякаго образованія, но за наукой на-

блюдаю, и какъ челоуѣкъ посторонній. незаинтересованный, могу и выразить болѣе правильный судъ и думаю, что такое опредѣленіе не можетъ вытечь со стороны образованныхъ, такъ какъ каждый виновный старается оправдать себя и сродныхъ ему людей, да и естественно образованный образованія не можетъ судить, это будетъ то же самое, что если преступникъ будетъ судить преступника или сынъ отца. Впрочемъ не только въ сравненіи, но и на самомъ дѣлѣ, образованіе у насъ совершило великое преступленіе. Все образованіе у насъ заключается въ томъ, чтобы получить дипломъ и затѣмъ обезпечить себѣ жизнь, и не мало лицъ получаютъ жалованіе только за дипломы, большинство же хотя и занимается трудомъ по изготовленію такихъ же, какъ и они, бездѣльниковъ. Но получить на это дипломъ не такъ-то легко, и потому хроника послѣдняго времени покрыта рядомъ самоубійствъ учащихся. Но самое преступленіе образованныхъ состоитъ въ томъ, что они избѣгаютъ и пренебрегаютъ трудомъ, въ особенности физическимъ, и въ то же время низко цѣнятъ трудъ рабочихъ людей; своей праздностью и роскошью соблазняютъ рабочій народъ, который во что бы то ни стало старается подражать имъ. Такъ напр., не говоря уже объ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ, но когда крестьянскій мальчикъ добропорядочно учится въ двухклассной школѣ, то онъ уже отказывается отъ домашней работы, какъ-то: согребать навозъ, дать корму и напоить скотъ и вообще отъ какой бы то ни было работы отказывается, мотивируя это тѣмъ, что она ему ни къ чему, онъ готовится быть учителемъ; отецъ радъ такому дѣлу, онъ воображаетъ себѣ, что сынъ его будетъ образованнымъ и не будетъ работать и поощряетъ въ его лѣни. Дѣйствительно,

по окончаніи ученія онъ поступаетъ въ церковно-приходскую школу учителемъ на 15—20 рублей въ мѣсяцъ. Лѣтомъ на каникулы онъ пріѣзжаетъ къ отцу, но ужъ теперь онъ не только работать, но и не можетъ ѣсть пустыя сѣрья деревенскія щи, поэтому отецъ рѣжетъ послѣднюю овцу, а также что корова надоитъ молока и куры понесутъ яицъ, все это истребляетъ сынъ учитель. А отецъ старикъ пріѣзжаетъ съ поля, пахоти или жнитвы и другихъ работъ, ѣсть сухой хлѣбъ съ водой. Такъ продолжается все лѣто, отецъ старикъ работаетъ, недоѣдаетъ, недосыпаетъ, а сынъ учитель, наѣвшись мяса, яицъ и молока, спитъ до 11 часовъ утра, а подъ прохладой вечерней ходитъ, гуляетъ, ища себѣ развлеченій. Это еще ничего. А то я знаю одного человѣка, онъ въ 25 верстахъ отъ своего села поступилъ учителемъ въ двухклассную школу, а тамъ женился на образованной дѣвушкѣ. Отецъ его живетъ въ достаткѣ и снабжаетъ сына съѣстными продуктами. Однажды зимой отецъ задумалъ побывать у сына, зарѣзалъ поросенка, двухъ курицъ, было скопленное масло коровье, сметана, творогъ, все это онъ привезъ сыну. Выпрягши лошадь, онъ вошелъ въ кухню и попалъ въ залу, гдѣ его увидалъ сынъ и предупредилъ, чтобы онъ вернулся на кухню, а то, говоритъ, здѣсь натопчешь, да и навоняешь дубленой шубой. вмѣстѣ съ отцомъ вышелъ въ кухню и сынъ учитель, прежде всего онъ обратился къ кухаркѣ и велѣлъ ей убрать все, что отецъ привезъ, а затѣмъ поставить самоваръ и напоить старика чаемъ. Оставивъ отца на кухнѣ одного, учитель ушелъ въ свои хоромы нянчить ребенка, ссылаясь на то, что жена занята приготовленіемъ для приѣма гостей. Вечеромъ учитель опять вышелъ къ отцу и сказалъ, что къ нему скоро

придутъ гости, попъ, дьякопъ, учитель товарищъ, лѣсной смотритель и волостной писарь, — «они пойдутъ здѣсь, у насъ ходъ одинъ, только черезъ кухню, такъ ты, тятка, пожалуйста, лягъ гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, чтобъ тебя не увидали, — просить учитель отца — и въ крайнемъ случаѣ, если попадешься имъ на глаза, не сказывай, что ты мнѣ отецъ, а то ты меня оконфузишь». Эти слова, какъ варомъ, обварили старика, говорилъ послѣ онъ.

Знаю я также крестьянъ, кончающихъ земледѣльческое училище, и они вмѣсто того, чтобы работать въ родной деревнѣ и практически показать крестьянамъ правильное земледѣліе, хлѣбопашество и вообще полевое и домашнее хозяйство, они нанялись въ имѣніе въ управляющіе для того, чтобы не работая получать деньги.

За послѣдніе два-три года интеллигенція какъ-будто поняла, что нужно, и начала группироваться съ крестьянами въ сельско-хозяйственныя общества, руководствовать опытнымъ полемъ и мѣстами даже заводятъ сельско-хозяйственныя школы. Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, но у насъ въ Симбирскѣ, по отзывамъ начальства, это поставлено въ лучшемъ видѣ. Да какъ вдругъ на ихъ бѣду 4 іюня агрономъ Симб. уѣздн. земства Д. Н. Пискуновъ отказался отъ занимаемой имъ службы. — «Я приглашенъ, пишетъ въ заявленіи агрономъ, — въ качествѣ завѣдующаго опытнымъ полемъ. Между тѣмъ здѣсь нѣтъ никакого опытнаго поля и даже мѣсто не припасено, благодаря чему я лишенъ возможности вести хотя бы пригготовительныя работы. Остается только одно (чтобы даромъ жалованія не получать), исполнять канцелярскія работы. Но къ этому я совершенно не призванъ».

Дай Богъ, чтобы такъ побольше людей прозрѣло.

Развратомъ и роскошью заражена отъ образованныхъ каждая хижина. Теперь для крестьянъ, будь хоть какіе урожаи, состояніе ихъ не поправится, все будетъ нужда и недостатки, такъ какъ сыну нужно справить лакированные сапоги, шелковыхъ и другихъ модныхъ рубахъ и дорогую верхнюю одежду, а потомъ въ 10—15 рублей гармонику; на дочерей же нужно еще больше. Къ этому же за послѣдніе 2—3 года въ каждомъ селѣ и деревнѣ открыто по нѣскольку пивныхъ лавокъ, ихъ тоже вѣдь нужно снабжать, а то отстанешь отъ интеллигенціи. Болѣе всего развращаютъ народъ попы. Богъ въ 4 заповѣди повелѣваетъ людямъ 6 дней работать, а 7-й праздновать; попы же наоборотъ, 6 дней ничего не дѣлаютъ, и только въ праздникъ работаютъ. Народъ же совершаетъ преступления, развратъ и обиды въ надеждѣ, что попъ въ этомъ проститъ и за деньги дастъ царство небесное. Въ послѣднее время приходится наблюдать, что туго приходится и попамъ. Народъ хотя считаетъ ихъ за полубоговъ, въ нихъ видитъ все спасеніе и потому безъ нихъ не обходится, но въ то же время и ненавидитъ ихъ, какъ самую негодную тварь и, наприм., охотно пропиваютъ на свадьбахъ по 100—150 руб., поцу же за вѣнчаніе 5—6 руб. жалѣютъ и просто съ досадою отдаютъ. Это ли еще непониманіе настырскаго насажденія?

Весь этотъ образованный и невѣжественный народъ нужно отворотить отъ ихъ ложнаго пути и направить на истинный, сами они этого не сдѣлаютъ и для этого нужна энергичная посторонняя сила. Сила эта ужъ начала появляться—отъ прозрѣнія народа, но ее нужно только соединить.

Для этой цѣли я организовалъ «Общину свободныхъ христіанъ». Цѣль общины показать недостатки нашей науки, и если возможно, поставить ее на надлежащій путь; создать конкуренцію синодальной церкви и тѣмъ ее заставить собрать соборъ, сдѣлать церковное переустройство и отдѣлиться отъ государства; возродить и укрѣпить нравственность и трудолюбіе въ народѣ. Девизомъ общины служить «не хулить какую бы то ни было религію и не хвалить свою». Для нея всѣ вѣры одинаковы и святы, но при всемъ этомъ, не оскорбляя чувства религіозности, со всей осторожностью и любезностью должны показывать на религіозные недостатки и выставлать преступныя похожденія духовныхъ руководителей. Въ будущую весну мы намѣрены открыть земледѣльческую школу, какъ у Неплюева въ Трудовомъ Крестовоздвиженскомъ Братствѣ, для этого мы хотимъ войти съ ними въ близкое общеніе. Вамъ конечно извѣстна Неплюевская школа, будьте такъ добры, сообщите, не знаете ли Вы за ней какихъ-либо недостатковъ, также дайте Ваше мнѣніе о моей затѣѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, ответьте на слѣдующіе вопросы: 1) какъ Вы смотрите на науку, 2) что есть наука, 3) видимые недостатки нашей науки, 4) что дала намъ наука, 5) чего должно требовать отъ науки, 6) какое нужно преобразование науки, 7) какъ ученые должны относиться къ темной массѣ и физическому труду, 8) какъ нужно учить дѣтей младшаго возраста и 9) что нужно для юношества.

Простите, что обременяю Васъ. Жду отвѣта. Душою и сердцемъ преданный Вамъ бывшій бѣлоризецъ, крестьянинъ Ф. А. Абрамовъ.

Симбирскъ, 22 Іюня 1909 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ II-ое.

Письмо студента Л. Н. Толстому.

Истинно уважаемый Левъ Николаевичъ!

Ваша нравственная проповѣдь вѣдь всецѣло поконится на отрицаніи права, и это обстоятельство до сихъ поръ не мѣшало мнѣ быть горячимъ поборникомъ нравственнаго совершенствованія въ духѣ Вашего ученія. Но вотъ недавно книга проф. Петражицкаго «Теорія Права» поставила передо мной вопросъ, надъ которымъ я остановился въ недоумѣннн и на который не могъ получить удовлетворительнаго отвѣта. А между тѣмъ, не разрѣшивъ его, я не могу съ прежнимъ чувствомъ обращаться къ Вашимъ книгамъ; каждый разъ теперь меня охватываетъ сомнѣніе—не о томъ, истинно ли Вы проповѣдуете—нѣтъ, но могу ли я, зная нѣчто другое, согласиться съ возможностью такой жизни, при которой единственнымъ регуляторомъ было бы нравственное сознаніе, нравственныя побужденія. Вотъ въ короткихъ словахъ сущность того, что вызвало мое сомнѣніе.

Проф. Петражицкій («Теорія Права», т. 1, гл. II, § 7) утверждаетъ, что существенное значеніе этическихъ переживаній, и нравственнаго, и правового типа, въ человѣческой жизни состоитъ въ томъ, что они 1) дѣйствуютъ въ качествѣ мотивовъ поведенія (*мотиваціонное дѣйствіе эти-*

ческих переживаний); 2) производить известныя измѣненія въ самой психикѣ индивидовъ (педагогическое, воспитательное дѣйствіе этическихъ переживаній).

Въ обоихъ случаяхъ преобладающая роль, болѣе неуклонное вліяніе и дѣйствіе принадлежитъ праву, а не нравственности, какъ этикѣ чисто императивной. Въ частности, въ области педагогическаго дѣйствія право является чрезвычайно важнымъ средствомъ воспитанія дѣтей, развивая въ нихъ и чувство собственнаго достоинства и уваженіе ко всякой другой человѣческой (личности)—съ одной стороны; сообщая имъ твердость и увѣренность, энергію и предприимчивость, необходимыя для жизни—съ другой стороны. Все это доказывается съ наглядной очевидностью путемъ принятія въ руководство научнаго образованія классовъ и построенія для нихъ надлежащихъ теорій.—Въ заключеніе очерка по вопросу о мотивационномъ и воспитательномъ значеніи права и нравственности проф. Петражицкій говоритъ слѣдующее:

«Чисто моральная, безпритязательная психика — очень высокая и идеальная психика, но она требуетъ для нормальнаго и здороваго развитія характера еще другой, притязательной, правовой психики. Безъ такого дополненія, или, правильнѣе, безъ такого (императивно-атрибутивнаго) фундамента нѣтъ здоровой этики, а существуетъ почва для разныхъ, подчасъ отвратительныхъ уродливостей».

«Въ обществѣ принято относиться къ праву, какъ къ чему-то низшему по сравненію съ нравственностью, менѣе цѣнному, менѣе достойному уваженія. А есть ученія (напр. ученіе Л. Толстого, разныя анархистическія ученія), которыя относятъ

ся къ праву прямо отрицательно. Въ основѣ этихъ возрѣній, какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, лежитъ незнаніе природы и значенія той и другой вѣтви человѣческой этики».

Такъ рѣзко поставленная проблема права, какъ фактора не только соціальной жизни, но и индивидуальнаго человѣческаго развитія, создала проговорѣчіе въ моихъ взглядахъ на значеніе нравственныхъ идеаловъ человѣчества, въ частности на ихъ желательную первенствующую роль во всякомъ человѣческомъ поведеніи.

Перечитывая Ваши брошюры, я несколько подхожу къ нимъ съ точки зрѣнія проф. Петражицкаго и тогда я начинаю чувствовать, что стою передъ пропастью,—вѣдь если правъ проф. Петражицкій, я долженъ порвать всѣ тѣ нити, что связываютъ меня съ ученіемъ Льва Толстого. Моя защита передъ невѣрующими должна обратиться въ признаніе разумности ихъ отрицанія.

И это побуждаетъ меня обратиться къ Вамъ, уважаемый Левъ Николаевичъ, за разрѣшеніемъ сомнѣнія.

Мнѣ неловко просить Васъ отвѣчать мнѣ лично, но Вы могли бы какъ-нибудь высказать нѣсколько словъ по этому вопросу въ печати (вѣдь Васъ такъ часто интервьюируютъ). Этимъ Вы помогли бы не мнѣ одному, а многимъ изъ учащейся молодежи, которые не глухи къ голосу Вашей великой совѣсти.

Съ сердечнымъ пожеланіемъ Вамъ добраго здоровья. Студентъ С.-ИВ. Унив.

14 Августа 1909 г.

Главная задача образованія.

(Отвѣтъ на письмо В. О. Булгакова).

Постараюсь исполнить ваше желаніе: отвѣтить на ваши вопросы.

Очень можетъ быть, что въ моихъ статьяхъ о воспитаніи и образованіи давнишнихъ и послѣднихъ окажутся и противорѣчія и неясности. Я просмотрѣлъ ихъ и рѣшилъ, что мнѣ — да и вамъ, я думаю, будетъ легче, если я, не стараясь отставать прежде сказанное, прямо выскажу то, что я теперь думаю объ этихъ предметахъ.

Это для меня будетъ тѣмъ легче, что въ послѣднее время эти самые предметы занимаютъ меня.

Во-первыхъ, скажу, что то раздѣленіе, которое я въ своихъ всегдашнихъ педагогическихъ статьяхъ дѣлалъ между воспитаніемъ и образованіемъ, искусственно. И воспитаніе и образованіе нераздѣльны. Нельзя воспитывать, не передавая знанія, всякое же знаніе дѣйствуетъ воспитательно. И потому, не касаясь этого подраздѣленія, буду говорить объ одномъ образованіи, о томъ, въ чемъ, по моему мнѣнію, заключаются недостатки существующихъ приемовъ образованія, и какимъ оно, по моему мнѣнію, должно бы быть, и почему именно такимъ, а не инымъ.

То, что свобода есть необходимое условіе всякаго истиннаго образованія, какъ для учащихся, такъ и для учащихся, я признаю, какъ и прежде, т.-е. что и угрозы наказаній, и обѣщанія награды (правъ и т. п.), обусловливающія пріобрѣтеніе тѣхъ или иныхъ знаній, не только не содѣйствуютъ, но болѣе всего мѣшаютъ истинному образованію.

Думаю, что ужъ одна такая полная свобода, т.-е. отсутствіе принужденія и выгодъ, какъ для обучаемыхъ, такъ и для обучающихъ, избавила бы людей отъ большой доли тѣхъ золъ, которыя производитъ теперь принятое вездѣ принудительное и корыстное образованіе. Отсутствіе у большинства людей нашего времени какого бы то ни было религіознаго отношенія къ міру, какихъ-либо твердыхъ нравственныхъ правилъ, ложный взглядъ на науку, на общественное устройство, въ особенности на религію и всѣ вытекающія изъ этого губительныя послѣдствія—все это порождено въ большой степени насильственными и корыстными пріемами образованія.

И потому, для того, чтобы образованіе было плодотворно, т.-е. содѣйствовало бы движенію человѣчества къ все большому и большому благу, нужно, чтобы образованіе было свободно. Для того же, чтобы образованіе, будучи свободно, какъ для учащихся, такъ и для учащихся, не было собраніемъ произвольно выбранныхъ, ненужныхъ, несвоевременно передаваемыхъ и даже вредныхъ знаній, нужно, чтобы у обучающихся, такъ же, какъ у обучаемыхъ, было общее и тѣмъ и другимъ основаніе, вслѣдствіе котораго избирались бы для преподаванія и изученія наиболѣе нужныя для разумной жизни людей знанія и преподавались бы въ соотвѣтственныхъ ихъ важности размѣрахъ. Такимъ основаніемъ всегда было и не можетъ

быть ничто другое, какъ одинаково свободно признаваемое всѣми людьми общества, какъ обучающимися, такъ и обучающими, пониманіе смысла и назначенія человѣческой жизни, т. е. религіи.

Такъ это было прежде, такъ это есть и теперь тамъ, гдѣ люди соединены однимъ общимъ религіознымъ пониманіемъ жизни и вѣрятъ въ него. Такъ это было и сотни лѣтъ тому назадъ въ христіанскомъ мірѣ, когда всѣ люди, за малыми исключеніями, вѣрили въ церковную христіанскую вѣру, и у людей было твердое, общее всѣмъ основаніе для выбора предметовъ знанія и распредѣленія ихъ, и потому не было никакой нужды въ принудительномъ образованіи.

Такъ это было за сотни лѣтъ. Но въ наше время такой общей большинству людей христіанскаго міра вѣры уже нѣтъ; въ наше время только малое число и то самыхъ невліятельныхъ людей еще вѣрять въ христіанскую церковную вѣру въ видѣ православія, католичества, лютеранства, большинство же и самое вліятельное, не признавая христіанства въ томъ видѣ, въ которомъ оно преподается церквами, не вѣрять ни въ какую религію. Мало того, такъ называемые передовые люди нашего времени вполне увѣрены въ томъ, что всякая религія есть нѣчто отсталое, пережитое, когда-то бывшее нужнымъ человѣчеству, теперь же составляющее только препятствіе для его прогресса и старательно увѣряютъ въ этомъ другихъ.

Такъ что и въ наше время и въ нашемъ мірѣ, при отсутствіи какой бы то ни было общей большинству людей религіи, т. е. пониманія смысла и назначенія человѣческой жизни, т. е. при отсутствіи основы образованія, невозможенъ какой бы то ни было опредѣленный выборъ знаній и распредѣле-

піе ихъ. Вслѣдствіе этого - то отсутствія всякой разумной основы, могущей руководить образованіемъ, и кромѣ того, вслѣдствіе возможности для людей, находящихся во власти, заставлятъ молодыхъ поколѣнія обучаться тѣмъ предметамъ, которые имъ кажутся выгодными, и находится среди всѣхъ христіанскихъ народовъ образованіе въ такомъ превратномъ и жалкомъ, по моему мнѣнію, положеніи.

Количество предметовъ знанія безконечно, и такъ же безконечно то совершенство, до котораго можетъ быть доведено каждое знаніе. Сравнить область знанія можно съ выходящими изъ центра сферы безконечнаго количества могущими до безконечности быть удлинеными радіусами. И потому совершенство въ дѣлѣ образованія достигается не тѣмъ, чтобы учащіеся усвоили очень многое изъ случайно избранной области знанія, а тѣмъ, чтобы, во-первыхъ, изъ безконечнаго количества знаній прежде всего были переданы учащимся знанія о самыхъ важныхъ и нужныхъ предметахъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, чтобы знанія эти были доведены до относительно одинаковой степени, такъ, чтобы передаваемые знанія, подобно одинаковой длины и одинаково равномерно расположеннымъ радіусамъ, опредѣляющимъ сферу, составляли бы гармоничное цѣлое.

Такой выборъ знаній и такое распредѣленіе ихъ было возможно въ европейскомъ мірѣ, пока люди вѣрили въ ту форму христіанской религій, которая соединяла ихъ. Теперь же, когда вѣры этой уже нѣтъ, вопросъ о томъ, какія знанія вообще полезны, какія могутъ быть вредны, какія нужны прежде, какія послѣ и до какой степени должны быть доводимы тѣ или другія, уже не имѣетъ никакого основанія для своего рѣшенія и рѣшается какъ

попало и совершенно произвольно тѣми людьми, которые имѣютъ возможность насильственно передавать тѣ или иныя знанія такъ, какъ это для нихъ въ данное время наиболѣе удобно и выгодно.

Вслѣдствіе этого-то и произошло въ нашемъ обществѣ то удивительное явленіе, что, продолжая сравненіе со сферой, въ нашемъ обществѣ знанія распредѣляются не только не равномерно, но въ самыхъ уродливыхъ соотношеніяхъ: нѣкоторые радіусы достигаютъ самыхъ большихъ размѣровъ, другіе же вовсе не обозначены. Такъ, напр., люди пріобрѣтаютъ знанія о разстояніяхъ, плотности, движеніяхъ на милліарды верстъ отъ насъ отстоящихъ звѣздъ, о жизни микроскопическихъ животныхъ, о воображаемомъ происхожденіи организмовъ, о грамматикѣ древнихъ языковъ и тому подобномъ вздорѣ, а не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ живутъ и жили ихъ братья-люди, не только отдѣленные отъ нихъ морями и тысячами миль и вѣками, но и люди, живущіе сейчасъ съ ними рядомъ: чѣмъ питаются, какъ спятъ, одѣваются, что работаютъ, какъ женятся, воспитываютъ дѣтей, какіе ихъ обычаи, привычки, вѣрованія. Люди узнаютъ въ школахъ все объ Александрѣ Македонскомъ и Людовикѣ XIV и его любовницахъ, но не знаютъ ничего о томъ, какъ живутъ, работаютъ, страдаютъ рядомъ съ ними ихъ братья и сестры въ деревнѣ или въ городѣ на заводѣ. Знаютъ о химическомъ составѣ тѣлъ, объ электричествѣ, радіи, о цѣлыхъ такъ называемыхъ „наукахъ“ о правѣ и богословіи, подробно знаютъ о повѣстяхъ и романахъ, написанныхъ разными, считающимися „великими“ писателями и т. п. Знаютъ о совершенно ни на что ненужныхъ и скорѣе вредныхъ пустякахъ, а ничего не знаютъ о томъ, какъ понимали и понимаютъ смыслъ своей

жизни, и какія признавали и признають правила жизни милліарды жившихъ и живущихъ людей нехристіанскаго міра, двѣ трети всего человѣчества.

Отъ этого то и происходитъ въ нашемъ мірѣ то удивительное явленіе, что люди, считающіеся въ нашемъ мірѣ самыми образованными, суть, въ сущности, люди самые невѣжественные, знающіе множество того, чего никому не нужно знать и не знающіе того, что прежде всего нужно знать всякому человѣку. И мало того, что люди эти грубо невѣжественны, они еще и безнадежно невѣжественны, такъ какъ вполнѣ увѣрены, что они очень ученые, образованные люди, т.-е. знаютъ все то, что нужно знать и даже больше того, что нужно знать человѣку.

Происходитъ это удивительное и печальное явленіе отъ того, что въ нашемъ такъ называемомъ христіанскомъ мірѣ не только опущень, но и отрицается тотъ главный предметъ преподаванія, безъ котораго не можетъ быть осмысленнаго приобрѣтенія какихъ бы то ни было знаній. Опущена и отрицается необходимость религіознаго и нравственнаго преподаванія, т.-е. передачи молодымъ поколѣніямъ учащихъ тѣхъ, съ самыхъ древнихъ временъ данныхъ мудрѣйшими людьми міра отвѣтовъ на неизбѣжно стоящіе передъ каждымъ человѣкомъ вопросы: первый—что я такое, какое отношеніе мое, моей отдѣльной жизни, ко всему безконечному міру, и второй—какъ мнѣ сообразно съ этимъ моимъ отношеніемъ къ міру жить, что дѣлать и чего не дѣлать. Эти же два предмета—религіозное ученіе общее всѣмъ людямъ, и вытекающее изъ него ученіе нравственности, тоже одинаковое для всѣхъ народовъ, предметы, долженствующіе быть главной основой всякаго образованія, воспитанія и обученія, отсутствуютъ совер-

шенно въ образованіи христіанскихъ народовъ. И еще хуже, чѣмъ отсутствуютъ: замѣняются въ нашемъ обществѣ собраніемъ грубыхъ суевѣрій и плохихъ софизмовъ, называемыхъ закономъ Божиимъ, предметомъ, самымъ противнымъ истинному религіозному и нравственному обученію.

Въ этомъ, я полагаю, главный недостатокъ существующихъ въ нашемъ обществѣ приемовъ образованія. И потому думаю, что для того, чтобы въ наше время образованіе было не вредно, каково оно теперь, въ основу его должны быть поставлены эти два предмета: религіозное пониманіе жизни и нравственное ученіе.

Объ этомъ самомъ предметѣ я писалъ въ составленномъ мною „Кругѣ Чтенія“ слѣдующее:

„Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, всегда у всѣхъ народовъ являлись учителя, составлявшіе науку о томъ, что нужнѣе всего знать человѣку. Наука эта всегда имѣла своимъ предметомъ знаніе того, въ чемъ назначеніе и потому истинное благо каждаго человѣка и всѣхъ людей. Эта-то наука и служитъ руководящей нитью въ опредѣленіи значенія всѣхъ другихъ знаній.

„Предметовъ наукъ безчисленное количество; и безъ знанія того, въ чемъ состоитъ назначеніе и благо всѣхъ людей, нѣтъ возможности выбора въ этомъ безконечномъ количествѣ предметовъ, и потому безъ этого знанія всѣ остальные знанія и искусства становятся, какъ они и сдѣлались у насъ, праздною и вредною забавой.

„Единственное объясненіе той безумной жизни, противной своему сознанію, которую ведутъ люди нашего времени, заключается именно въ этомъ, въ томъ, что молодья поколѣнія обучаются безчисленнымъ самымъ сложнымъ, труднымъ и ненужнымъ предметамъ, не обучаютъ только тому, что одно

нужно, тому, въ чемъ смыслъ человѣческой жизни, чѣмъ она должна быть руководима и что думали объ этомъ вопросѣ и какъ рѣшили его мудрѣйшіе люди всѣхъ временъ и всего міра“.

Скажутъ: „Нѣтъ такого общаго большинству людей религіознаго ученія и ученія нравственности“. Но, во-первыхъ, это неправда. Такія ученія всегда были и есть, не могутъ не быть, потому что безъ такихъ ученій никогда не жило, не могло бы и не можетъ жить человѣчество. Если нѣкоторымъ людямъ нашего времени и кажется, что ихъ нѣтъ, то это происходитъ только отъ того, что эти люди принимаютъ тѣ затемненія и извращенія, которыми во всѣхъ ученіяхъ скрыты религіозныя и нравственныя истины за самую сущность ученій. Стоитъ только людямъ серьезно отнестись къ вопросамъ жизни, и одна и та же, и религіозная и нравственная истина, во всѣхъ ученіяхъ, отъ Кришны, Будды, Конфуція до Христа и новѣйшихъ религіозныхъ мыслителей, откроется имъ. Это мой первый отвѣтъ на возраженіе о томъ, что будто бы нѣтъ общаго религіознаго и нравственнаго ученія, а потому и нельзя на немъ основывать образованіе. Второй же мой отвѣтъ будетъ тотъ, что если допустить, что такого ученія нѣтъ, то вытекаетъ изъ этого только то, что, при отсутствіи единственно возможной разумной основы для образованія, не можетъ быть и никакого разумнаго образованія, а можетъ быть только, какъ это и есть теперь, нагроможденіе самыхъ пустыхъ, случайныхъ, ненужныхъ большому большинству, часто и вредныхъ знаній, которыя мы называемъ наукой, и что поэтому лучше не надо никакого образованія, чѣмъ ложное и вредное. Вреднымъ же будетъ такое безосновное образованіе уже тѣмъ, что будетъ давать возможность невѣжественнымъ лю-

дямъ, каковы теперь большинство такъ называемыхъ образованныхъ людей, не сознавать своего невежества, а считать себя образованными.

Нравится намъ это или не нравится, разумное образование возможно только при постановкѣ въ основу его ученія о религіи и нравственности. Продолжая сравненіе съ радіусами, проводимыми изъ центра, ученія о религіи и нравственности, по отношенію ко всѣмъ другимъ знаніямъ, подобно тѣмъ тремъ взаимно перпендикулярнымъ діаметрамъ, которые опредѣляютъ направленіе и соотношеніе всѣхъ радіусовъ сферы и ту степень длины, до которой они могутъ быть доведены для того, чтобы они составляли гармоническое цѣлое — сферу.

И потому я полагаю, что первое и главное знаніе, которое свойственно прежде всего передавать дѣтямъ и учащимся взрослымъ, это отвѣты на вѣчные и неизбежные вопросы, возникающіе въ душѣ каждаго, приходящаго въ сознаніе человѣка. Первый: что я такое и какое мое отношеніе къ безконечному міру? и второй, вытекающій изъ перваго: какъ мнѣ жить, что считать всегда, при всѣхъ возможныхъ условіяхъ, хорошимъ, и что всегда, при всѣхъ условіяхъ, дурнымъ?

Отвѣты на эти вопросы всегда были и есть въ душѣ каждаго человѣка, разъясненіе же отвѣтовъ на эти вопросы не могло и не быть среди милліардовъ прежде жившихъ и милліоновъ живущихъ теперь людей. И оно дѣйствительно есть въ ученіяхъ религіи и нравственности, не въ религіи и ученіи нравственности какого-либо одного народа извѣстнаго мѣста и времени, а въ тѣхъ основахъ религіозныхъ и нравственныхъ ученій, которыя однѣ и тѣ же высказаны всѣми лучшими мыслителями міра, отъ Моисея, Сократа, Кришны, Эпиктета, Будды, Марка Аврелія, Конфуція, Христа,

Іоанна Апостола, Магомета, до Руссо, Канта, персидскаго Баба, индусскаго Вивекананды, Чаншипа, Эмерсона, Рёскина, Сквороды и др.

И потому думаю, что до тѣхъ поръ, пока эти два предмета не станутъ въ основу образованія, не можетъ быть никакого разумнаго образованія. Что же касается дальнѣйшихъ предметовъ знанія, то думаю, что порядокъ ихъ преподаванія выяснится самъ собой при признаніи основой всякаго знанія ученія о религіи и нравственности. Весьма вѣроятно, что при такой постановкѣ дѣла первымъ послѣ религіи и нравственности предметомъ будетъ изученіе жизни людей самыхъ близкихъ: своего народа, богатыхъ, бѣдныхъ классовъ, женщинъ, дѣтей, ихъ занятій, средствъ существованія, обычаевъ, вѣрованій, міросозерцаній. Послѣ изученія жизни своего народа, думаю, что при правильной постановкѣ дѣла образованія столь же важнымъ предметомъ будетъ изученіе жизни другихъ народовъ болѣе отдаленныхъ, ихъ религіозныхъ вѣрованій, государственнаго устройства, нравовъ, обычаевъ. Оба эти предмета, точно такъ же, какъ религіозно-нравственное ученіе, совершенно отсутствуютъ въ нашей педагогикѣ и замѣняются географіей, изученіемъ названій мѣстъ, рѣкъ, горъ, городовъ, и исторіи, заключающейся въ описаніи жизни и дѣятельности правителей и преимущественно ихъ войнъ, завоеваній и освобожденій отъ нихъ. Думаю, что при постановкѣ въ основу образованія религіи и нравственности изученіе жизни себѣ подобныхъ, т.-е. людей, то, что называется этнографіей, займетъ первое мѣсто, и что точно такъ же соотвѣтственно своей важности для разумной жизни займутъ соотвѣтствующія мѣста зоология, математика, физика, химія и другія знанія.

Думаю такъ, но не берусь ничего утверждать о распредѣленіи знаній. Утверждаю же я только

одно: то, что безъ признанія основнымъ и главнымъ предметомъ образованія религіи и нравственности не можетъ быть никакого разумнаго распредѣленія знаній, а потому и разумной и полезной для обучаемыхъ передачи ихъ. При признаніи же основой образованія религіи и нравственности и при полной свободѣ образованія всѣ остальные знанія распредѣлятся такъ, какъ это имъ свойственно, сообразно тѣмъ условіямъ, въ которыхъ будетъ находиться то общество, въ которомъ будетъ преподаваться и восприниматься знаніе.

И потому полагаю, что главная единственная забота людей, занятыхъ вопросами образованія, можетъ и должна состоять, прежде всего, въ томъ, чтобы выработать соотвѣтственное нашему времени религіозное и нравственное ученіе и, выработавъ такое, поставить его во главѣ образованія. Въ этомъ, по моему мнѣнію, въ наше время состоитъ первое и, пока оно не будетъ сдѣлано, единственное дѣло не только образованія, но и всей науки нашего времени, не той, которая вычисляетъ тяжесть той звѣзды, вокругъ которой вращается солнце, или изслѣдуетъ происхожденіе организмовъ за милліоны лѣтъ до нашего времени, или описываетъ жизни императоровъ, полководцевъ, или излагаетъ софизмы богословія или юриспруденціи, а той одной, которая есть точно наука, потому что дѣйствительно нужна людямъ. Нужна же людямъ потому, что, наилучшимъ образомъ отвѣчая на вопросы одни и тѣ же, которые вездѣ и всегда ставилъ и ставитъ себѣ всякій разумный человѣкъ, вступающій въ жизнь, она содѣйствуетъ благу какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего человѣчества.

Вотъ все, что имѣлъ сказать. Буду радъ, если это пригодится вамъ.

Левъ Толстой.

Ложная наука *).

(XIX отдѣлъ книги „Путь жизни“).

Суевѣріе науки состоитъ въ вѣрѣ въ то, что единое, истинное и необходимое для жизни всѣхъ людей знаніе заключается только въ тѣхъ, случайно собранныхъ изъ всей безграничной области знанія, знаніяхъ, которыя въ извѣстное время обратили на себя вниманіе небольшого числа людей, — тѣхъ людей, которые освободили себя отъ необходимаго для жизни труда и потому живутъ безнравственной и неразумной жизнью.

I. Въ чемъ состоитъ суевѣріе науки?

1. Когда люди безъ провѣрки своимъ разумомъ принимаютъ за несомнѣнныя истины то, что передается имъ за таковыя другими людьми, они поддаются суевѣрію. Таково въ наше время суевѣріе науки, то есть признаніе несомнѣнными истинами всего того, что передается за таковыя профессорами, академиками, вообще людьми, называющими себя учеными.

*) Мысли, собранныя здѣсь, принадлежатъ самымъ разнообразнымъ авторамъ, начиная съ браминской, конфуціанской, буддійской письменности, и до Евангелія, Посланій и многихъ, многихъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ мыслителей. Большинство этихъ мыслей, какъ при переводахъ, такъ и при передѣлкѣ, подверглись такому измѣненію, что я нахожу неудобнымъ подписывать ихъ именами ихъ авторовъ. Лучшія изъ этихъ неподписанныхъ мыслей принадлежатъ не мнѣ, а величайшимъ мудрецамъ міра.

Л. Толстой.

2. Какъ есть лжеученіе вѣры, такъ есть и лжеученіе науки. Лжеученіе это въ томъ, чтобы признавать единой, истинной наукой все то, что считается единой, истинной наукой людьми, въ извѣстное время взявшими на себя право опредѣлять истинную науку. А какъ только наукой считается не то, что нужно всѣмъ людямъ, а то, что опредѣляютъ люди, взявшіе на себя въ извѣстное время право опредѣлять, что такое наука, такъ наука не можетъ не быть ложной. Такъ это и сдѣлалось въ нашемъ мірѣ.

3. Наука въ наше время занимаетъ совершенно то мѣсто, которое занимала церковь 200—300 лѣтъ тому назадъ.

Тѣ же признанные жрецы—профессора, тѣ же соборы, синоды, академіи, университеты, съѣзды.

То же довѣріе и отсутствіе критики въ вѣрующихъ и тѣ же среди вѣрующихъ разногласія, не смущающія ихъ. Тѣ же слова непонятныя, вмѣсто мысли та же самоувѣренная гордость:

— Что же съ нимъ говорить, онъ отрицаетъ откровеніе, церковь.

— Что же съ нимъ говорить, онъ отрицаетъ науку.

4. Какъ египтянинъ на всѣ положенія, которыя ему предлагались жрецами, какъ истина, не смотрѣлъ такъ, какъ мы теперь смотримъ на нихъ, какъ на вѣрованія, а какъ на откровенія высшаго, доступнаго человѣку знанія, то есть науку, точно такъ же и теперь наивные люди, не знающіе науки, смотрятъ на все то, что имъ выдается теперешними жрецами науки за несомнѣнную истину,—вѣрятъ въ нее.

5. Для истиннаго знанія вреднѣе всего употребленіе попятія и словъ не вполне ясныхъ. А это-то самое и дѣлаютъ мнимые ученые, придумывая

для неяснаго понятія неясныя, несуществующія, выдуманная слова.

6. Ложная наука и ложныя религіи выражаютъ свои догматы всегда высокопарнымъ языкомъ, который непосвященнымъ кажется чѣмъ-то таинственнымъ и важнымъ. Разсужденія ученыхъ людей часто бываютъ столь же мало понятны не только для другихъ, но и для нихъ самихъ, какъ рѣчи профессиональныхъ учителей вѣры. Педантъ ученый, пользуясь латинскими терминами и ново-выдуманными словами, часто дѣлаетъ изъ самаго простаго нѣчто столь же непонятное, какъ и латинскія молитвы поповъ для ихъ неграмотныхъ прихожанъ. Таинственность не есть признакъ мудрости. Чѣмъ истинно мудрѣе человекъ, тѣмъ проще тотъ языкъ, которымъ онъ выражаетъ свои мысли.

II. Наука служитъ оправданіемъ устройства общественной жизни.

1. Казалось бы, что для того, чтобы признать важность занятія тѣмъ, что называется наукой, надо доказать, что эти занятія полезны. Люди же науки обыкновенно утверждаютъ, что такъ какъ мы занимаемся извѣстными предметами, то занятія эти навѣрное когда-нибудь будутъ полезны.

2. Законная цѣль наукъ есть познаніе истинъ, служащихъ къ благу людей. Ложная цѣль есть оправданіе обмановъ, вносящихъ зло въ жизнь человѣческую. Такова юриспруденція, политическая экономія и въ особенности философія и богословіе.

3. Въ наукѣ бываютъ такіе же обманы, какъ

и въ вѣрѣ, и зачинаются они съ того же самаго—съ желанія оправдать свои слабости, и поэтому научные обманы такъ же вредны, какъ и религіозные. Люди заблуждаются, живутъ дурно. По настоящему слѣдуетъ людямъ, понявъ, что они живутъ дурно, постараться перемѣнить жизнь и начать жить лучше. И тутъ-то являются разныя науки: государственная, финансовая, церковная, уголовная, полицейская, является наука политическая экономія, исторія и самая модная—соціологія, о томъ, по какимъ законамъ живутъ и должны жить люди, и оказывается, что дурная жизнь людей не отъ нихъ, а отъ того, что таковы законы, и что дѣло людей не въ томъ, чтобы перестать жить дурно и измѣнить свою жизнь отъ худшаго къ лучшему, а только въ томъ, чтобы, живя попрежнему, по своимъ слабостямъ думать, что все худое происходитъ не отъ нихъ самихъ, а отъ тѣхъ законовъ, какіе нашли и высказали ученые. Обманъ этотъ такъ неразуменъ и такъ противенъ совѣсти, что люди никогда бы и не приняли его, если бы онъ не потакалъ ихъ дурной жизни.

4. Мы устроили себѣ жизнь, противную и нравственной и тѣлесной природѣ человѣка, и вполне увѣрены,—только потому, что всѣ такъ думаютъ,—что это то и есть самая настоящая жизнь. Мы смутно чувствуемъ, что все то, что мы называемъ нашимъ государственнымъ устройствомъ, нашей религіей, нашей культурой, нашими науками и искусствами, что все это не то и что все это не избавляетъ насъ отъ нашихъ бѣдъ, а только увеличиваетъ ихъ. Но мы не рѣшаемся подвергнуть все это провѣркѣ разума, потому что думаемъ, что человѣчество, всегда признававшее необходимость государства религіи, науки, не можетъ жить безъ нихъ.

Если бы цыцленокъ въ яйцѣ былъ одаренъ разумомъ человѣческимъ и такъ же мало умѣлъ бы пользоваться имъ, какъ люди нашего времени, онъ никогда не разбилъ бы скорлупы своего яйца и никогда не узналъ бы жизни.

5. Наука стала теперь раздавательницей дипломовъ на пользованіе чужими трудами.

6. Методическая болтовня высшихъ училищъ зачастую есть только общее соглашеніе уклоняться отъ рѣшенія трудно разрѣшимыхъ вопросовъ, придавая словамъ измѣнчивый смыслъ, потому что удобное и большей частью равнодушное „не знаю“ неохотно выслушивается въ академіяхъ.

К а н т ь.

7. Нѣтъ болѣе несогласныхъ двухъ вещей, какъ знаніе и выгоды, наука и деньги. Если для того, чтобы стать болѣе ученымъ, нужны деньги, если ученость покупается и продается за деньги, то и покупатель и продавецъ ошибаются. Христось выгналъ продавцовъ изъ храма. Также должны быть выгнаны продавцы и изъ храма науки.

8. Не смотри на ученость, какъ на корону, чтобы ею красоваться, ни какъ на корову, чтобы кормиться ею.

9. Самымъ яркимъ доказательствомъ того, насколько часто подъ словомъ „наука“ подразумѣваются не только самые ничтожные, но и самые гадкіе предметы, служить то, что существуетъ наука о наказаніи, то-есть о совершеніи самаго невѣжественнаго поступка, свойственнаго только человѣку на самой низкой ступени развитія—ребенку, дикому.

III. Вредныя послѣдствія суевѣрія науки.

1. Нѣтъ людей съ болѣе запутанными понятіями о религіи, о нравственности, о жизни, чѣмъ люди науки; и еще болѣе поразительно то, что наука нашего времени, совершая дѣйствительно большіе успѣхи въ своей области изслѣдованія условій матеріальнаго міра, въ жизни людей оказывается часто не только ни на что ненужной, но еще и производящею самыя вредныя послѣдствія.

2. Вредно распространеніе между людьми мыслей о томъ, что наша жизнь есть произведеніе вещественныхъ силъ и находится въ зависимости отъ этихъ силъ. Но когда такія ложныя мысли называются науками и выдаются за святую мудрость человѣчества, то вредъ, производимый такимъ ученіемъ, ужасенъ.

3. Развитіе науки не содѣйствуетъ очищенію нравовъ. У всѣхъ народовъ, жизнь которыхъ мы знаемъ, развитіе наукъ содѣйствовало развращенію нравовъ. То, что мы теперь думаемъ противное, происходитъ оттого, что мы смѣшиваемъ наши пустыя и обманчивыя знанія съ истиннымъ высшимъ знаніемъ. Наука, въ ея отвлеченномъ смыслѣ, наука вообще, не можетъ не быть уважаема, но теперешняя наука, то, что безумцы называютъ наукой, достойна только насмѣшки и презрѣнія.

Руссо,

4. Единственное объясненіе той безумной жизни, противной сознанію лучшихъ людей всѣхъ временъ, которую ведутъ люди нашего времени, въ томъ, что молодыя поколѣнія обучаются безчисленнымъ самымъ труднымъ предметамъ: о состояніи небесныхъ тѣлъ, о состояніи земли за милліоны лѣтъ, о происхожденіи организмовъ и т. п. Не обучаются

они только тому одному, что всё и всегда нужно: тому, какой смысл человеческой жизни, какъ надо прожить ее, что думали объ этомъ вопросѣ и какъ рѣшили его мудрѣйшіе люди всѣхъ вѣковъ. Не только не обучаются этому молодая поколѣнія, но вмѣсто этого обучаются подъ названіемъ закона Бога самымъ явнымъ безсмыслицамъ, въ которыя не вѣрятъ и сами обучающіе. Подъ все зданіе нашей жизни вмѣсто камня подложены надутые воздухомъ пузыри. Какъ же не валиться этому зданію?

5. То, что у насъ называется наукой, почти все только выдумки богатыхъ людей, нужныя только за тѣмъ, чтобы занять ихъ праздное время.

6. Мы живемъ въ вѣкъ философіи, наукъ и разума. Кажется, что всѣ науки соединились, чтобы освѣтить намъ путь въ этомъ лабиринтѣ человеческой жизни. Огромныя бібліотеки открыты для всѣхъ, вездѣ гимназіи, школы, университеты даютъ намъ съ дѣтства возможность воспользоваться мудростью людей, проявившейся въ продолженіе тысячелѣтій. Все, казалось бы, содѣйствуетъ образованію нашего ума и утверженію разума. Что же, стали ли мы лучше или мудрѣе отъ всего этого? Лучше ли мы знаемъ путь и назначеніе нашего призванія? Лучше ли мы знаемъ, въ чемъ наши обязанности и, главное, благо жизни? Что приобрѣли мы отъ всего этого тщетнаго знанія, кромѣ вражды, ненависти, неизвѣстности и сомнѣній? Всякое религіозное ученіе и секта доказываетъ, что она одна нашла истину. Всякій писатель одинъ знаетъ, въ чемъ наше благо. Одинъ доказываетъ намъ, что нѣтъ тѣла, другой—что нѣтъ души, третій—что между душой и тѣломъ нѣтъ связи, четвертый—что человекъ животное, пятый—что Богъ только зеркало.

7. Главное зло науки нашего времени въ томъ, что она, не будучи въ состояніи изучать *все*, и не зная, безъ помощи религіи, *что должно изучать*, изучаетъ только *пріятное* для самихъ людей науки, живущихъ неправильной жизнью.

Пріятнѣе же всего для людей науки существующій, выгодный для нихъ порядокъ и удовлетвореніе празднои любознательности, не требующее большихъ умственныхъ усилій.

IV. Количество предметовъ изученія безчисленно, а познавательныя способности человѣка ограничены.

1. Персидскій мудрецъ говоритъ: „Когда я былъ молодъ, я сказалъ себѣ: хочу познать всю науку. И я узналъ почти все, что знали люди, но когда я сталъ старъ и взглянулъ на все то, что я узналъ, то я увидалъ, что жизнь моя прошла, и я ничего не знаю“.

2. Наблюденія и вычисленія астрономовъ научили насъ многому, достойному удивленія; но самый важный результатъ ихъ изслѣдовацій, пожалуй, тотъ, что они обнаружили передъ нами бездну нашего невѣжества: безъ этихъ знаній человѣческой разумъ никогда не могъ бы представить себѣ всю огромность этой бездны. Размышленіе объ этомъ можетъ произвести большую перемѣну въ опредѣленіи конечныхъ цѣлей дѣятельности нашего разума.

Кантъ.

3. „Есть травы на землѣ: мы ихъ видимъ, съ луны ихъ было бы не видно. На этихъ травахъ есть нити, въ этихъ нитяхъ—маленькія животныя, но дальше этого ничего уже нѣтъ“. Какая самонадѣянность!

„Сложныя тѣла состоятъ изъ элементовъ, а элементы неразложимы“. Какая самонадѣянность!

Паскаль.

4. У насъ не хватаетъ знаній, чтобы даже понять хоть только жизнь человѣческаго тѣла. Посмотрите, что нужно знать для этого: тѣлу нужны мѣсто, время, движеніе, теплота, свѣтъ, пища, вода, воздухъ и многое другое. Въ природѣ же все такъ тѣсно связано между собою, что нельзя познать одного, не изучивъ другого. Нельзя познать части, не познавъ цѣлаго. Жизнь тѣла нашего мы поймемъ только тогда, когда изучимъ все то, что нужно ему; а для этого необходимо изучить всю вселенную. Но вселенная безконечна и познаніе ея недостижимо для человѣка. Следовательно, мы не можемъ вполне уяснить себѣ и жизнь нашего тѣла.

Паскаль.

5. Опытныя науки, когда ими занимаются ради нихъ самихъ, разрабатывая ихъ безъ всякой руководящей философской мысли, подобны лицу безъ глазъ. Они представляютъ одно изъ занятій, подходящихъ для среднихъ способностей, лишенныхъ однако высшихъ дарованій, которыя были бы только помѣхой при этихъ кропотливыхъ изысканіяхъ. Люди съ такими средними способностями сосредоточиваютъ всѣ свои силы и все свое умѣнье на одномъ единственномъ отграниченномъ научномъ полѣ, гдѣ они и могутъ поэтому достигнуть возможно полнаго знанія, при условіи совершеннаго невѣжества во всѣхъ другихъ областяхъ. Ихъ можно сравнить съ рабочими въ часовыхъ мастерскихъ, изъ которыхъ одни дѣлаютъ только колеса, другіе — только пружины, третьи — только цѣпи.

Шопенгауэръ.

6. Важно не количество знаній, а качество ихъ. Можно знать очень многое, не зная самаго нужнаго.

7. Изученіе естественной исторіи дошло наконецъ въ Германіи до безумія. Хотя для Бога насѣкомое и человѣкъ—равноцѣнны, однако для нашего разума это не такъ. Какъ много долженъ челоѣкъ привести въ порядокъ прежде, чѣмъ онъ дойдетъ до птицъ и мотыльковъ! Изучи свою душу, приучи свой умъ къ осторожности въ сужденіяхъ и сердце къ миролюбію. Научись познавать челоѣка и вооружись мужествомъ говорить правду на благо твоихъ ближнихъ. Навостри умъ свой математикой, если не найдешь для этого никакого иного средства; остерегайся только классификаціи букашекъ, поверхностное знаніе которой совершенно бесполезно, точное же уводитъ въ безконечность.

„Но Богъ безконеченъ въ насѣкомыхъ такъ же, какъ и въ солнцѣ“, скажешь ты. Я охотно признаю это. Онъ неизмѣримъ и въ пескѣ морскомъ, разнообразностей котораго еще никто не систематизировалъ. Если ты не чувствуешь особеннаго призванія ловить жемчугъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ этотъ песокъ находится, оставайся здѣсь и воздѣлывай свое поле: оно потребуетъ всего твоего прилежанія; и не забывай, что вмѣстимость твоего мозга конечна. Тамъ, гдѣ сидитъ какая нибудь исторія бабочки, нашлось бы, можетъ-быть, мѣсто для мыслей мудрецовъ, которые могли бы вдохновить тебя.

Ляхтенбергъ.

8. Сократъ не имѣлъ столь обычной слабости толковать въ своихъ бесѣдахъ о всемъ существующемъ, отыскивать происхожденіе того, что софисты называютъ природой, и восходить до основныхъ причинъ, отъ которыхъ произошли небесныя тѣла. Неужели,—говорилъ онъ,—люди считаютъ, что постигли все то, что важно челоѣку знать, если занимаются тѣмъ, что такъ мало касается челоѣка.

Въ особенности удивлялся опъ слѣпотѣ тѣхъ ложныхъ ученыхъ, которые не сознають, что челоуѣческій умъ не можетъ проникнуть въ эти тайны.—Потому то,—говорилъ онъ,—всѣ эти люди, воображающіе, что смѣютъ толковать о нихъ, далеко не сходятся въ своихъ основныхъ мнѣніяхъ, и когда послушаешь ихъ всѣхъ вмѣстѣ, то кажется, что находишься среди сумасшедшихъ. И дѣйствительно, какіе отличительные признаки несчастныхъ, одержимыхъ безуміемъ? Они боятся того, въ чемъ нѣтъ ничего страшнаго, и не страшатся того, что дѣйствительно опасно.

Ксенофонтъ.

9. Мудрость — предметъ великій и обширный, она требуетъ всего свободнаго времени, которое можетъ быть посвящено ей. Съ какимъ бы количествомъ вопросовъ ты ни успѣлъ справиться, тебѣ все-таки придется промучиться надъ множествомъ вопросовъ, подлежащихъ изслѣдованію и рѣшенію. Эти вопросы такъ обширны, такъ многочисленны, что требуютъ отстраненія изъ сознанія всего излишняго для того, чтобы предоставить полный просторъ работѣ ума. Тратить ли мнѣ свою жизнь на одни слова? А часто бываетъ, что ученые больше думаютъ о разговорахъ, нежели о жизни. Замѣть, какое зло порождаетъ черезмѣрное мудрствованіе и какъ оно можетъ быть опасно для истины.

Сенека.

10. Наука—это пища для ума. И эта пища для ума можетъ быть такъ же вредна, какъ и пища тѣлесная, если она нечиста, подслащена и если принимаешь ее не въ мѣру. Такъ что и умственной пищи можно переѣсть и заболѣть отъ нея. Для того, чтобы этого не было, надо такъ же, какъ въ тѣлесной пищѣ, принимать ее только тогда, когда голоденъ, когда чувствуешь необходимости знать, только тогда, когда знаніе нужно для души.

V. Знаній безчисленное количество. Дѣло истинной науки выбрать важнѣйшія и нужнѣйшія.

1. Не стыдно и не вредно не знать. Всего знать никто не можетъ, а стыдно и вредно притворяться, что знаешь, чего не знаешь.

2. Способность ума воспринимать знанія не безпредѣльна. И потому нельзя думать, что чѣмъ больше знаешь, тѣмъ лучше. Знаніе большого количества пустяковъ—непреодолимая помѣха для того, чтобы знать то, что истинно нужно.

3. Умъ укрѣпляется изученіемъ нужнаго и важнаго для человѣка и расслабляется изученіемъ ненужнаго и ничтожнаго рѣшительно такъ же, какъ тѣло укрѣпляется свѣжимъ или гнилымъ воздухомъ или пищею.

Дж. Рёскниъ.

4. Въ наше время накапливается огромное количество знаній, достойныхъ изученія. Скоро наши способности будутъ слишкомъ слабы, а жизнь слишкомъ коротка, чтобы усвоить хотя бы одну только наиболѣе полезную часть этихъ знаній. Къ нашимъ услугамъ полное изобиліе богатствъ, но, воспринявъ ихъ, мы должны снова отбрасывать многое, какъ бесполезный хламъ. Было бы лучше никогда не обременять себя имъ.

Кантъ.

5. Знанію нѣтъ конца. И потому про того, кто знаетъ очень много, нельзя сказать, чтобы онъ зналъ болѣе того, кто знаетъ очень мало.

6. Самое обычное явленіе нашего времени — видѣть то, что люди, считающіе себя учеными, образованными и просвѣщенными, зная безчисленное количество ненужныхъ вещей, коснѣютъ въ самомъ грубомъ невѣжествѣ, не только не зная

смысла своей жизни, но гордясь этимъ незна-
ніемъ. И наоборотъ, не менѣе обычное явленіе
встрѣчать среди малограмотныхъ и безграмотныхъ
людей, ничего не знающихъ о химической та-
блицѣ, паралаксахъ и свойствахъ радія, людей
истинно просвѣщенныхъ, знающихъ смыслъ своей
жизни и не гордящихся этимъ.

7. Люди не могутъ знать и понимать всего
того, что дѣлается на свѣтѣ, и потому сужденія
ихъ о многихъ вещахъ невѣрны. Невѣдѣніе чело-
вѣка бываетъ двоякое: одно невѣдѣніе есть чистое,
природное невѣдѣніе, въ которомъ люди ро-
ждаются; другое невѣдѣніе, такъ сказать, невѣ-
дѣніе истинно-мудраго. Когда человекъ изучитъ
всѣ науки и узнаетъ все то, что люди знали и
знаютъ, то онъ увидитъ, что эти знанія, всѣ
вмѣстѣ взятыя, такъ ничтожны, что по нимъ
нѣтъ возможности дѣйствительно понять міръ
Божій, и онъ убѣдится въ томъ, что ученые
люди, въ сущности, все такъ же ничего не знаютъ,
какъ и простые неученые. Но есть люди верхо-
глядны, которые кое-чему поучились, нахватались
верхушекъ разныхъ наукъ и зазнались. Они ушли
отъ природнаго невѣдѣнія, но не успѣли дойти до
истинной мудрости тѣхъ ученыхъ, которые поняли
несовершенство и ничтожество всѣхъ человѣче-
скихъ знаній. Эти-то люди, считающіе себя умни-
ками, и мутятъ міръ. Они обо всемъ судятъ само-
увѣренно и опрометчиво и, разумѣется, постоянно
ошибаются. Они умѣютъ бросать пыль въ глаза,
и часто люди къ нимъ относятся съ уваженіемъ,
но простой народъ ихъ презираетъ, видя ихъ
безполезность; они же презираютъ народъ, считая
его невѣжественнымъ.

Паскаль.

8. Люди часто думаютъ, что чѣмъ больше знать,
тѣмъ лучше. Это неправда. Дѣло не въ томъ, что-

бы знать много, а въ томъ, чтобы знать изъ всего того, что можно знать, самое нужное.

9. Не бойся незнанія, бойся лишняго знанія, особенно если это знаніе для выгоды или для похвальбы.

Лучше знать меньше, чѣмъ можно, чѣмъ знать больше, чѣмъ нужно. Отъ многознайства люди бываютъ довольны собой, самоувѣренны и отъ этого глупѣе, чѣмъ они были бы, если бы ничего не знали.

10. Умные не бываютъ учены. ученые не бываютъ умны.

Лао-Тсе.

11. Сова видитъ въ темнотѣ, но слѣпнуетъ при солнечномъ свѣтѣ. То же бываетъ и съ людьми учеными. Они знаютъ много ненужныхъ, научныхъ пустяковъ, но ничего не знаютъ и не могутъ знать о самомъ нужномъ для жизни: о томъ, какъ надо человѣку жить на свѣтѣ.

12. Мудрецъ Сократъ говорилъ, что глупость не въ томъ, чтобы мало знать, а въ томъ, чтобы не знать самого себя и думать, что знаешь то, чего ты не знаешь. Это онъ называлъ и глупостью и невѣжествомъ.

13. Если человѣкъ знаетъ всѣ науки и говоритъ на всѣхъ языкахъ, но не знаетъ того, что онъ такое и что онъ долженъ дѣлать,—онъ просвѣщенъ гораздо менѣе той безграмотной старухи, которая вѣритъ въ батюшку Спасителя, т. е. въ Бога, по волѣ Котораго она признаетъ себя живущей, и знаетъ, что этотъ Богъ требуетъ отъ нея праведности. Она просвѣщеннѣе ученаго, потому что у нея есть отвѣтъ на главный вопросъ, что такое ея жизнь и какъ ей надо жить; тотъ ученый же, имѣя самые хитроумные отвѣты на самые сложные, но неважные вопросы жизни, не имѣетъ отвѣта на главный вопросъ всякаго разумнаго человѣка: зачѣмъ я живу и что мнѣ дѣлать.

14. Люди, думающіе, что главное дѣло въ жизни—въ знаніи, подобны тѣмъ бабочкамъ, которыя летятъ на свѣчи: они сами погибаютъ и затемняютъ свѣтъ.

VI. Въ чемъ состоитъ сущность и назначеніе истинной науки.

1. Наукой люди называютъ либо ту самую важную на свѣтѣ науку, по которой человѣкъ узнаетъ, какъ ему надо жить на свѣтѣ, либо все то, что лестно знать человѣку и что можетъ, или иногда и не можетъ, пригодиться ему. Первое знаніе—великое дѣло, второе—большей частью пустое занятіе.

2. Есть два несомнѣнныхъ признака истинной науки: первый, внутренній,—тотъ, что служитель науки не для выгоды, а съ самоотверженіемъ исполняетъ свое призваніе, и второй, внѣшній,—тотъ, что произведеніе его понятно всѣмъ людямъ.

3. Жизнь всѣхъ людей нашего времени такова, что девятьсотъ девяносто девять тысячныхъ всего народа постоянно заняты физическимъ трудомъ и не имѣютъ ни времени, ни возможности заниматься науками и искусствами. Одна же тысячная этого народа, живущая, освободивши себя отъ физическаго труда, составила соотвѣтствующія своимъ требованіямъ науку и искусство. Спрашивается: каковы по своему качеству должны быть наука и искусство, возникшія при такихъ условіяхъ?

4. Дѣло жизни всякаго человѣка—становиться лучше и лучше. И потому хороши только тѣ науки, которыя помогаютъ этому.

5. Ученый тотъ, кто знаетъ очень много изъ всякихъ книгъ; образованный тотъ, кто знаетъ все

то, что теперь въ ходу между людьми; просвѣщенный тотъ, кто знаетъ, зачѣмъ онъ живетъ и что ему надо дѣлать. Не старайся быть ни ученымъ, ни образованнымъ, старайся быть просвѣщеннымъ.

Шопенгауэръ.

6. Съ тѣхъ поръ, какъ живутъ на свѣтѣ люди, всегда у всѣхъ народовъ были мудрецы, учившіе людей тому, что нужнѣе всего знать человѣку: тому, въ чемъ назначеніе и потому истинное благо каждаго человѣка и всѣхъ людей. Только тотъ, кто знаетъ эту науку, можетъ судить о важности всѣхъ другихъ.

Предметовъ наукъ *безчисленное* количество, и безъ знанія того, въ чемъ состоитъ назначеніе и благо всѣхъ людей, нѣтъ возможности выбора въ этомъ безконечномъ количествѣ предметовъ, и потому безъ этого знанія всѣ остальные знанія становятся, какъ они и сдѣлались у насъ, праздною и вредною забавой.

7. Со всѣми людьми, обращающимися къ наукѣ нашего времени не для удовлетворенія празднаго любопытства и не для того, чтобы играть роль въ наукѣ,—писать, спорить, учить,—и не для того, чтобы кормиться наукою, а обращающимся къ ней съ прямыми, простыми, жизненными вопросами, случается то, что наука отвѣчаетъ имъ на тысячи разныхъ очень хитрыхъ и мудреныхъ вопросовъ, но только не на тотъ одинъ вопросъ, на который всякій разумный человѣкъ ищетъ отвѣта: на вопросъ о томъ, что я такое и какъ мнѣ жить.

8. Изучать ненужныя для духовной жизни науки, какъ астрономія, математика, физика и т. п., такъ же, какъ пользоваться всякими удовольствіями, играми, катаніями, прогулками, можно тогда, когда эти занятія не мѣшаютъ дѣлать то, что долж-

но; но нехорошо заниматься пустыми науками, такъ же, какъ и удовольствіями, когда они мѣшаютъ настоящему дѣлу жизни.

9. Сократъ указывалъ своимъ ученикамъ на то, что при правильно поставленномъ образованіи въ каждой наукѣ надо доходить только до извѣстнаго предѣла, который не слѣдуетъ переступать. По геометріи, говорилъ онъ, достаточно знать настолько, чтобы при случаѣ быть въ силахъ правильно измѣрить кусокъ земли, который продаешь или покупаешь, или чтобы раздѣлить на части наслѣдство, или чтобъ сумѣть распредѣлить работу рабочимъ. „Это такъ легко,—говорилъ онъ,—что при небольшомъ стараніи не будешь затрудняться ни надъ какимъ измѣреніемъ, хотя бы пришлось измѣрять всю землю“. Но онъ не одобрялъ увлеченія большими трудностями въ этой наукѣ, и хотя самъ лично зналъ ихъ, но говорилъ, что онѣ могутъ занять всю жизнь человѣка и отвлечь его отъ другихъ полезныхъ наукъ, тогда какъ онѣ ни къ чему не нужны. По астрономіи онъ находилъ желательнымъ знать настолько, чтобы по небольшимъ примѣтамъ узнавать часы ночи, дни мѣсяца и времена года, умѣть не потерять дорогу, держать направленіе въ морѣ и смѣнять сторожей. „Эта наука настолько легка,—прибавлялъ онъ,—что доступна всякому охотнику, всѣмъ мореплавателямъ, вообще всякому, кто хочетъ сколько-нибудь ею заняться“. Но доходить въ ней до того, чтобъ изучать различныя орбиты, описываемыя небесными тѣлами, высчитывать величину планетъ и звѣздъ, ихъ отдаленность отъ земли, ихъ движенія и измѣненія,—это онъ крайне осуждалъ, потому что не видѣлъ въ такихъ занятіяхъ никакой пользы. Онъ былъ такого низкаго мнѣнія о нихъ не по невѣдѣнію, такъ какъ самъ изучилъ

эти науки, а потому, что не хотѣлъ, чтобъ на излишнія занятія тратилось время и силы, которыя могли быть употреблены на самое нужное чело-вѣку: на его нравственное совершенствованіе.

Ксенофонтъ.

VII. О чтеніи книгъ.

1. Слѣди за тѣмъ, чтобы чтеніе многихъ писателей и всякаго рода книгъ не произвело смутности и неопредѣленности въ умѣ. Слѣдуетъ читать свой умъ только писателями несомнѣннаго достоинства. Излишнее чтеніе развлекаетъ умъ, отучаетъ его отъ самостоятельной работы. Поэтому читай только книги старыя, несомнѣнно хорошія. Если когда-нибудь явится желаніе перейти на время къ другому рода сочиненіямъ, не забывай никогда возвращаться опять къ прежнимъ.

Сенека.

2. Читайте прежде всего лучшія книги, а то вы и совсѣмъ не успѣете прочесть ихъ. Торо.

3. Лучше никогда не читать ни одной книги, чѣмъ читать много книгъ и вѣрить во все то, что тамъ написано. Можно быть умнымъ, не читая ни одной книги; вѣря же во все, что написано въ книгахъ—нельзя не быть дуракомъ.

4. Въ писательствѣ повторяется то же, что въ жизни. Большинство людей неумно и заблуждается. Отъ этого разводится такъ много плохихъ книгъ, такъ много писательскаго сора среди хорошаго зерна. Такія книги только отнимаютъ у людей время, деньги и вниманіе.

Плохія книги не только бесполезны, но вредны. Вѣдь девять десятыхъ всѣхъ книгъ только за тѣмъ и печатаютъ, чтобы выманить деньги изъ людскихъ кармановъ.

И потому лучше вовсе не читать тѣхъ книгъ, про которыя много говорятъ и пишутъ. Людямъ надо стараться прежде всего прочесть и узнать самыхъ лучшихъ писателей всѣхъ вѣковъ и народовъ. Эти книги надо читать прежде всего. А то и вовсе не успѣешь прочесть ихъ. Только такіе писатели насъ поучаютъ и образуютъ.

Плохихъ книгъ никогда не прочтемъ мы слишкомъ мало, а хорошихъ никогда не удасться прочесть слишкомъ много. Плохія книги—нравственный ядъ, только одуряющій людей.

По Шопенгауэру,

5. Суевѣрія и обманы мучаютъ людей. Избавленіе отъ нихъ только одно: истина. Истину же мы познаемъ и сами собою и черезъ мудрыхъ и святыхъ людей, жившихъ до насъ. И потому для доброй и хорошей жизни нужно и самому искать истину и пользоваться тѣми указаніями истины, которыя дошли до насъ отъ прежнихъ мудрыхъ и святыхъ людей.

6. Одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ познанія истины, освобождающей отъ суевѣрій, состоитъ въ узнаніи всего того, что въ прошедшемъ сдѣлано человѣчествомъ для познанія вѣчной, общей всѣмъ людямъ, истины и выраженія ея.

VIII. О самостоятельномъ мышленіи.

1. Каждый человѣкъ можетъ и долженъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что выработалъ совокупный разумъ человѣчества, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ своимъ разумомъ провѣрять данныя, выработанныя всѣмъ человѣчествомъ.

2. Знаніе только тогда знаніе, когда оно приоб- рѣтено усиліями своей мысли, а не одной памяти.

3. Отъ учителя мы ждемъ, что онъ сдѣлаетъ изъ своего слушателя сначала разсудительнаго чело-вѣка, затѣмъ разумнаго и, наконецъ, ученаго.

Такой пріемъ имѣетъ ту выгоду, что если уче-никъ и не достигнетъ никогда послѣдней ступени, какъ это обыкновенно и бываетъ въ дѣйствитель-ности, онъ все-таки выиграетъ отъ обученія и ста-нетъ болѣе опытнымъ и умнымъ, если не для шко-лы, то для жизни.

Торо.

4. Наука не въ школахъ. Въ школахъ—чопорное тупоуміе невѣждъ. Наука въ книгахъ и въ личномъ самостоятельномъ трудѣ надъ пріобрѣтеніемъ зна-ній изъ книгъ и изъ жизни, а не изъ школы, гдѣ никогда со времени изобрѣтенія книгопечатанія не оставалось изъ науки ничего, кромѣ плѣсени.

Характеръ школьнаго преподаванія — сухое, тупо-умное педантство. Это почти неизбѣжно такъ по самой сущности дѣла. Кому не надоѣсть 10—20 лѣтъ толковать годъ за годъ все одно и то же? Учитель, профессоръ почти всегда занимается своимъ дѣломъ съ отвращеніемъ; и, для облегче-нія своей тоски, замѣняетъ науку простой форма-листикой. А вдобавокъ обыкновенно и глупѣетъ отъ глупой скучности своего ремесла.

Н. Г. Чернышевскій.

5. Во всѣхъ сословіяхъ встрѣчаются люди съ умственнымъ превосходствомъ, хотя часто безъ всякой учености. Натуральный умъ можетъ замѣ-нить почти всякую степень образованія, но ни-какое образованіе не замѣнитъ натуральный умъ, хотя и имѣетъ передъ такимъ чело-вѣкомъ пре-имущество богатства знанія случаевъ и фактовъ (свѣдѣнія историческія), и опредѣленіе причинно-сти (естественныя науки)—все въ правильномъ и легкомъ обзрѣвнн; но онъ отъ этого не обладаетъ болѣе правильнымъ и глубокимъ взглядомъ на

постоящую сущность всѣхъ этихъ событій, случаевъ и причинностей. Неученый, со своей пронидательностью и быстрымъ взглядомъ на все, сумѣеть обойтись безъ этихъ богатствъ. Одинъ случай изъ его опыта научить его большому, чѣмъ какого-нибудь ученаго тысячи случаевъ, которые онъ *знаетъ*, но хорошенько не *понимаетъ*, потому что малое знаніе того неученаго — *живое*.

Напротивъ того, многія знанія обыкновенныхъ ученыхъ мертвы, такъ какъ они состоятъ если не совсѣмъ въ пустыхъ словахъ, то часто только въ отвлеченныхъ понятіяхъ, которыя получаютъ свое значеніе только по мѣрѣ разумности и высоты пониманія вопроса, свойственнаго разсуждающему. Если же пониманіе это очень скудное, то разсужденіемъ такого рода свойственно, какъ банку, ассигнаціи котораго въ десять разъ превышаютъ наличный фондъ, притти подъ конецъ къ банкротству.

Шопенгауэръ.

6. Я люблю мужиковъ: они недостаточно учены, чтобы разсуждать превратно.

Монтэнь.

7. Какъ много ненужнаго чтенія могли бы мы избѣгнуть при самостоятельномъ мышленіи!

Развѣ чтеніе и ученіе одно и то же? Кто-то не безъ основанія утверждалъ, что книгопечатаніе если и способствовало болѣе широкому распространенію учености, то въ ущербъ ея качеству и содержанію. Слишкомъ много читать вредно для мышленія. Величайшіе мыслители, встрѣчавшіеся мнѣ среди ученыхъ, которыхъ я изучалъ, были какъ разъ наименѣе начитанные.

Если бы людей учили, *какъ* они должны мыслить, а не только тому, *что* они должны мыслить, — недоразумѣніе было бы предотвращено.

Лихтенбергъ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

№№ 1, 2 и 3 поврежденнаго изданія

„ЕДИНЕНІЕ“.

Посвященное обновленію жизни при свѣтѣ разума и любви

СЪ ОТДѢЛОМЪ

„ГОЛОСЪ ТОЛЕТОГО“

содержащимъ еще нигдѣ не изданныя и ранѣе запрещенныя цензурой его писанія.

(Стр. 16 большого формата. Цѣна каждаго № 25 к.).

Въ виду особыхъ условій издательства, редакція „Единенія“ не можетъ ручаться за правильный выходъ выпусковъ этого изданія, и потому предлагаетъ лицамъ, желающимъ получать №№ „Единенія“ тотчасъ по выходѣ, прислать нѣкоторую сумму (не менѣе 2 рублей), въ счетъ которой и будетъ высылаться это изданіе,—а по соглашенію съ подписчиками, также и сборники „Единенія“, начиная отъ № 4 (ц. 60 к.) и № 5-6 (ц. 1 р. 20 к.) находящагося еще въ печати.

Изданія „Единенія“.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Великій грѣхъ. Ц. 20 к.

О значеніи русской революціи. Ц. 30 к.

Проѣзжій и крестьянинъ. — Истинная свобода. Ц. 20 к.

Отвѣтъ Синоду. Ц. 10 к.

Неизбѣжный переворотъ. Ц. 20 к.

Законъ насилія и законъ любви. Ц. 60 к.

„Одумайтесь!“ Ц. 60 к.

Рабство нашего времени. Ц. 60 к.

Къ рабочему народу. Ц. 40 к.

Единое на потребу. Ц. 40 к.

Къ политическимъ дѣятелямъ. Ц. 20 к.

Единственное средство. Ц. 20 к.

Кругъ чтенія (окончательная версія переработанная въ 1908 г.). Июль.

Конецъ вѣка. Ц. 40 к.

О наукѣ (сборникъ статей). Ц. 40 к.

Николай Палкинъ. Ц. 20 к.

Не могу молчать. Ц. 40 к.

В. Г. ЧЕРТКОВЪ.

Дежурство въ военныхъ госпиталяхъ. Ц. 20 к.

Эпиктетъ. Ц. 60 к.

Печатаются:

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Кругъ чтенія. Августъ, Сентябрь.

Христіанство и патріотизмъ.

Неужели это такъ надо?

Единъ и заповѣдь.

Складъ

въ Москвѣ, Петровскія линіи, книжный магазинъ

«Посредникъ» для «Единенія».

2007053803